

фантастическая
история

Алексей Фомин
Спасти
империю!

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Время московское

Алексей Фомин

Спасти империю!

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Фомин А.

Спасти империю! / А. Фомин — «АЛЬФА-КНИГА»,
2014 — (Время московское)

Наш современник, заброшенный в шестнадцатый век, не только выжил, но и неплохо там устроился, став одним из богатейших людей государства. Но останавливаться на этом он не имеет права. Вот и приходится лезть в политику, втираться в царское окружение. А один день, проведенный в этом серпентарии, можно смело засчитывать за десять. Но и здесь вроде он начал осваиваться: мало того что убить себя не дает, так еще умудрился самого Малюту Скуратова завербовать. Да и молодой царь почти что в друзьях у нашего героя. Только, оказывается, этого недостаточно, чтобы всерьез влиять на события. Есть еще некий тайный орден, вершащий судьбы всего человечества. И без «разборки» с главой этого ордена не спасти империи. Ни в прошлом, ни в будущем.

Содержание

I	6
II	21
III	30
IV	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алексей Фомин

Спасти империю!

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

I

Занятно все-таки устроена психика человеческая. Скорее даже не просто психика, а вся психоэмоциональная сфера в целом. Ведь частенько бывает так, что сознание диктует человеку одно, подсознание шепчет ему о втором, а инстинкты просто вопят о третьем. И на все это накладывается целая гамма чувств и эмоций, испытываемых человеком во время этого дичайшего душевного раздора.

Еще несколько минут назад, засыпая на пухлых царских перинах, Валентин чувствовал себя отпусником-курортником, отправляющимся к теплому морю, чтобы понежить себя любимого сладчайшим бездельем после тяжелых трудов и не самых простых испытаний. Но стоило ему проснуться в лобовской лаборатории и вкратце доложить о результатах своего полета, как его мозг принялась терзать отвратительная, но оттого не перестающая быть справедливой, мыслишка: «Скорее, скорее! Время здесь и время там – это примерно один к десяти. Я должен успеть вернуться в шестнадцатый век, пока этот чудик Михайла Митряев еще спит сладким сном. Не то он мне там таких дел наворотит...»

А вот этого никак нельзя было допустить. Ведь первый день в Александровской слободе сложился как нельзя лучше. Все, что Валентин планировал вместе со своими друзьями, удалось претворить в жизнь на «пять» с плюсом. И результат не замедлил сказаться – дружеское расположение молодого царя, считай, завоевано, да и всеильный регент, царский дядька Никита Романович, отнесся к гостям весьма благосклонно. Царские дружки, сопляки избалованные, восприняли, правда, Валентина в штыки, но это ерунда. Чувствуют пацаны, что их мягко, вежливо, но настойчиво взяли оттирать от царя, вот и злобятся.

Но Валентина они беспокоили меньше всего. Да, они здесь внешний антураж создают. Все эти дикие выходки и проделки, шокирующие добропорядочных бояр и пугающие попов, – их извращенного ума и шаловливых ручек дело. Но погоду здесь делают не они. Есть в слободе люди посерьезнее. И пострашнее. Об этом Валентин догадывался еще в Ярославле, а первые часы пребывания в Александровской слободе лишь утвердили его в этом мнении.

Знакомство с царевичем Иваном Ивановичем и вручение ему подарков прошло на «ура». Новый знакомец так приглянулся тринадцатилетнему Ивану, что он даже распорядился выделить в своем дворце покои для посланцев земства. Продолжиться знакомство с обитателями слободы и порядками, в ней царящими, должно было на пиру, на который Валентин и его друзья получили самоличное царское приглашение. Земцы едва успели расположиться на новом месте и обменяться первыми впечатлениями от увиденного (Валентин, правда, вместе с парой мастеровых еще успел поглядеть на зал, где обычно проходят пиры царские. Мастеровые кое-что обмерили, прикинули и пошли готовиться), как появился служка с уведомлением о том, что царь велит всем собраться в пиршественном зале. Вместе с приглашением он вручил каждому из приглашенных земцев черную монашескую рясу.

О царских пирах в Ярославле говорили разное. И Валентин постарался собрать все эти слухи, сплести воедино и тщательно проанализировать их. Рассказывали о чудовищном пьянстве, о непотребных плясках с распутными девками, а также об издевательствах над земцами, тем или иным образом оказавшимися за пиршественным столом. Поначалу шутили хоть и грубо, но без членовредительства. Если же земец, избранный мишенью для идиотских шуток царского окружения, вместо того чтобы покорно стать всеобщим посмешищем, вдруг начал сопротивляться, а паче того, еще и пытался пристыдить охальников, то заканчивалось это плохо. Могли и в загородку к медведю пихнуть, а то и просто, без затей, кинжал под ребро сунуть.

В этих слухах, в частности, упоминалось и о том, что на пир царевы люди сходились одинаково одетыми – в монашеские рясы. Это у них символизирует принадлежность к единому

духовному братству, ну и смирение якобы. Уже на пиру рясы сбрасывались, и гульба после того шла так, что дым коромыслом. А случайно заехавшие в слободу либо приглашенные, не принадлежащие к опричному братству, сидели за столом в своем платье, без ряс. И это их сразу выделяло из общей массы. Здесь же Иван прислал своим гостям монашеские одеяния, чтобы они не отличались от всех своим видом. И это был добрый знак.

В назначенный час по коридорам, лестницам и переходам дворца потянулись черные ручейки «монахов», спрятавших лица под просторными капюшонами и смиренно сложивших руки на животе. Валентин, выглянув из своей комнаты, проводил взглядом одну группу эдаких вот «братьев» и, дождавшись появления второй, сделал знак своим – выходим, мол. Дон Альба, Силка и Ероха, тоже нарядившиеся в широченные рясы, пристроились вслед «монахам». Замыкал процессию ряженных Валентин.

У входа в пиршественный зал их невольные проводники, против ожидания, не остановились, а прошли внутрь через широко распахнутые двери и, разойдясь по залу, уселись каждый на свое место. Столы, стоящие буквой «П», не располагались посередине, а были смещены к одной из стен так, что в зале еще оставалось достаточно свободного места. У поперечины «П» с наружной ее стороны стояли стулья с высокими, прямыми спинками, покрытыми искусной резьбой. Вдоль остальных столов стояли простые лавки по обе стороны. «Монахи» уверенно, без суеты и какого-либо шума рассаживались по лавкам. Похоже, место каждого здесь было заранее определено и оставалось всегда неизменным.

Валентин с товарищами невольно притормозили, остановившись посреди зала и усиленно соображая, где бы им пристроиться. Стулья, судя по всему, предназначались для царевича и его приближенных. Там бы и надо было оказаться Валентину. Но эта часть стола до сих пор была не занята, а стать первым за царским столом Валентин по вполне понятным причинам не стремился. Неизвестно, сколько бы длилось это замешательство, но тут один из монахов схватил Валентина за рукав рясы и слегка потянул к себе. Валентин обернулся. Из-под низко нагнутого на лицо капюшона на него блеснули озорные глаза Ивана.

– Пойдем со мной, – молвил он.

– А мои друзья, ваше величество? – так же тихо спросил Валентин.

– Пусть сядут там... – Иван указал рукой на конец одного из столов.

Валентин последовал за царем, в то время как Ероха, Сила и дон Альба расположились там, где им было указано. Стоило царевичу занять свое место за столом, как места рядом с ним мгновенно оказались заняты. Валентин, не готовый к такому повороту событий, так и остался стоять несолоно хлебавши. Но не успел он присмотреть себе свободное место, как царевич пихнул кулаком в бок своего соседа.

– Федька, уступи место Михайле, – зашипел он на своего соседа справа.

– Отец магистр-игумен, негоже параклисиарху на куличках сидеть, – ответил тот. – Мне же молитву читать...

– Хорошо, – частично согласился с ним царевич, – сядь по леву руку.

– Но там же отец келарь сидит.

– Ничего, пересядет. – Иван дернул за рукав сидевшего слева от него. – Афонька, пошел вон.

Тот дернулся от неожиданности, но перечить не стал. Послушно поднялся и пересел на пустовавшее место в конце царского стола. В результате этой рокировки наконец-то освободилось место для Валентина. Едва он уселся справа от царевича, как тот зашептал ему на ухо:

– Про нас многие болтают нехоршее. Мол, чуть ли не богоотступники мы... Слышал небось?

Валентин лишь пожал плечами, не зная, что ответить на этот кажущийся столь простым вопрос. Но Иван и не ждал, оказывается, от него ответа, тут же уверенно заявив: – Брехня все это. Сейчас сам увидишь. На самом деле у нас тут строго. Орден монахов-воинов. Триста

человек нас. И все сейчас за столом на трапезу собрались. Я – магистр-игумен, Федька Романов – параклисиарх, а Афонька Вяземский – келарь.

– Можно начинать, отец магистр-игумен? – прозвучало слева.

– Давай... – разрешил Иван.

Спрашивавший поднялся и, низко опустив голову, что, видимо, должно было обозначать высшую степень смирения и благочестия, нудным голосом принялся бубнить слова молитвы. Все «монахи», сидевшие за пиршественным столом, вслед за «отцом параклисиархом» склонили покрытые капюшонами головы к сложенным лодочкой ладоням.

«Как-то все это не очень по-православному выглядит, – заключил Валентин, глядя на эту картину. – Хотя могу и ошибаться. Эксперт я в этом вопросе никакой. Но ясно, что здесь больше игры, чем истинной религиозности. Параклисиарх... Келарь... Магистр-игумен... Вряд ли это исходит от Ивана. Скорее, Федьки Романова придумка. Ведь если мне не изменяет память, то он станет после Смутного времени не только отцом первого царя в династии Романовых, но и патриархом, и фактическим правителем. Оказывается, тяга к игре в монашество ему свойственна с юности...»

Пока Федька читал молитву, слуги покрыли столы скатертями из грубого, плохо отбеленного полотна и принялись уставлять их едой и питьем. На столах появились простые деревянные блюда с квашеной капустой, мочеными яблоками и солеными огурцами. Черный хлеб, нарезанный крупными кусками, положили перед каждым монахом. По куску на брата. На каждого четверых ставили на стол глиняный кувшин с каким-то напитком. И никакой посуды, если не считать глиняных же стаканов, поставленных перед каждым.

«Параклисиарх» закончил читать молитву и, осенив «братию» широкими размашистыми крестами, благословил начинать трапезу. Все так же молча, степенно, несуетно братья наполнили из кувшинов свои стаканы и принялись вкушать поданную им постную пищу, время от времени запивая ее небольшими глотками. За царским столом было все то же, что и за другими. Вот только стаканы наполнили слуги.

– Видишь, как у нас? – шепнул Валентину царевич. – Умеренность, скромность и благочестие.

– У-умм, – промычал Валентин, не зная, хвалить или осуждать за столь примерное лицемерие.

– Ты еще завтра увидишь, как мы заутреню служим, как в колокола звоним... До свету начинаем.

– У-умм, – вновь промычал Валентин.

– Ты ешь, ешь... Чего же ты?

Валентин, побуждаемый царевичем, взял с блюда моченое яблоко и надкусил. Отличное яблоко! Надо бы разжиться здесь этим рецептом. В жизни Валентину не доводилось пробовать столь вкусных моченых яблок. Он отхлебнул из стакана. Пиво. Достаточно жиденькое. За без малого год, проведенный в шестнадцатом веке, Валентин привык к тому, что пиво здесь варят плотное и достаточно крепкое. У братьев же монахов даже пиво постное.

Время от времени царевич что-то шептал ему на ухо, и Валентин односложно отвечал: «У-умм», – неопределенно кивая. Царевичу, видимо, очень хотелось произвести благоприятное впечатление на представителя земства, а Валентин терпеливо ждал окончания затянувшегося первого акта. То, что представление затянулось дольше обычного, можно было понять по негромкому шуму, с некоторых пор возникшему за столом. «Братия», судя по всему, недоумевала, но выразить открыто свое удивление все же не спешила. Первым решился Федька Романов:

– Отец магистр-игумен, разреши... А?

Царевич обернулся к нему и замер в кратковременном раздумье. И тут Федьку неожиданно поддержал Валентин:

– Да, отец... Магистр-игумен, разреши.

– Давай, – радостно согласился царевич.

Федька вскочил на ноги и принялся стаскивать с себя рясу. Триста «монахов» только и ждали этого знака. Сразу же послышался гул множества голосов, шарканье ног и стук отодвигаемых лавок. Все как один дружно сдирали с себя рясы. Через несколько мгновений за пиршественными столами сидели не занудные монахи, а триста прекрасных витязей, блистающих золотой парчой своих нарядов. И со столами произошло чудесное превращение. Полотняные скатерти слуги свернули в большие узлы, унося в них постную еду и убогую посуду. На столах тут же оказались красные бархатные скатерти и серебряная посуда перед каждым гостем. На серебряных блюдах вносили в зал и расставляли разнообразную дичь. Были тут и лебеди в белоснежных перьях, сидевшие в посуде как живые, и жареные перепела, из тушек которых были сложены целые пирамиды, и много еще чего другого. «Да, – подумал Валентин, – кухня здесь – целое предприятие. Наверняка не меньше сотни человек трудится».

Но это было только начало, как оказалось. Во время наступившей части банкета уже громко звучали голоса, время от времени провозглашались тосты и здравицы. Заиграла музыка, но в целом все по-прежнему продолжалось чинно-благородно, ибо выпито было еще не так много. Наливали же всевозможные меды, и в питье никто никого не ограничивал. И часа не прошло, как слуги внесли в зал эту перемену блюд, еще не всех лебедей распотрошили, ободрав с них белые перья, еще не все тетерева, гуси и утки были доедены, как последовала новая перемена. На этот раз на столы стелили скатерти парчовые и посуду ставили золотую. Стол завалили всевозможными кушаньями из рыбы и мяса. Вино полилось рекой. Негромкую струнную музыку сменил хор в сопровождении целого оркестра рожечников. В зале появились скоморохи с медведем. Для начала они продемонстрировали примитивную и похабную пьеску, где толстопузый безмозглый боярин пытался соперничать с молодцом-опричником за любовь и благосклонность некой анонимной красавицы. Естественно, боярин, лузер и импотент, был посрамлен. Представление вызвало у публики бешеный восторг. Дальше скоморохи показали набор простеньких гимнастических и жонглерских трюков. В заключение мишка, держа в передних лапах шапку, отправился собирать подаяние со зрителей. Если кто-то из опричников, отвернувшись в сторону, не обращал внимания на мишку, тот, прижав к себе одной лапой шапку, второй начинал трясти невнимательного жадюгу за плечо. Накал эмоций у зрителей был запредельным. Тем более что выпито было уже немало.

Именно в этот момент Валентин почувствовал, что пришло время для демонстрации очередного подарка. Он склонился к уху Ивана и зашептал:

– Ваше величество, вы хотели увидеть то, что умеет тигр. Прикажите...

– Что? Здесь? – удивился царевич. – Ты же говорил, что он опасен.

– Конечно, опасен. Но он будет вместе со своим учителем. Ведь никто же не считает опасным вот этого медведя... – Валентин мотнул головой в сторону дрессированного зверя, удалявшегося от них. – Впрочем, как хотите...

– Хочу, конечно хочу, – зажегся царевич. – Вели привести его!

Валентин поднял руку над головой, и Силка, давно ожидавший этого сигнала, сорвавшись с места, выбежал из зала. А пир продолжался своим чередом. Царевы люди уже основательно поднабрались. Над столами повис гул голосов, по громкости соперничающий с хором и оркестром. Но в целом все было вполне пристойно. Никто никого за грудки не хватал, в морду не бил и ножиком не размахивал. «Да по сравнению с нашими свадьбами это просто детский утренник», – усмехнувшись про себя, подумал Валентин.

Тигр дал знать о своем приближении громким рыком. Не сразу, постепенно смолкла музыка, оборвали свои споры пирующие. Сначала в зале появились двое мастеровых, расположивших большим квадратом на полу четыре ящика. Установили и тут же ретировались. Тигр вошел в зал, шествуя рядом со своим проводником-индусом смирно, как дрессированная

собака. В зале мгновенно установилась мертвая тишина. Индус провел тигра по периметру квадрата, образованного ящиками, и усадил на один из них. В одной руке он держал цепь, идущую к ошейнику зверя, во второй – палку. Индус поднял палку, и тигр сел вертикально, как сурок, поджав передние лапы. Индус опустил палку, и тигр встал на ящике на все четыре лапы. Индус пристукнул палкой по полу, и тигр перепрыгнул на соседний ящик. Еще один пристук – и еще прыжок. Описав полный круг, тигр вновь сел на задние лапы. Индус заставил его соскочить на пол и подвел чуть ближе к зрителям. Он сам поклонился чуть не до земли, и тигр, припав на передние лапы, опустил на них голову. Получалось, что тигр тоже кланяется зрителям. После троекратного поклона индус, выбрав цепь почти до конца, направился к выходу. Зал загудел на множество голосов. Может, от восхищения, а может, и от радости, что эдакое страшилище убралось наконец.

– Эй, земский, и это все, что может твоя тигра? – язвительным тоном осведомился Федька Романов. – Последний облезлый мишка у скоморохов умеет гораздо больше.

– Он только начал учиться, – спокойно, не поддаваясь на явную провокацию, ответил Валентин. – Мишек скоморохи с младенчества обучают. А это взрослый дикий зверь, пару месяцев назад еще по лесу бегавший.

– Все одно... – Федька махнул рукой. – Чепуха!

Иван, до того молчавший, вдруг прикрикнул:

– Дурак, Федька! Мой тигра! Не смей! – И уже спокойно поинтересовался у Валентина: – А медведя он задержит?

– Ну, таких, как только что здесь был, так двух сразу. А то и больше, – уверенно заявил Валентин.

Обиженный Федька, сразу же потеряв интерес к обсуждаемому предмету, поднялся на ноги и заорал:

– Эй, музыканты! Чего замолчали? Федька, Петька, чего пригорюнились? Иль тигры испугались? Ну-ка станцуйте чего повеселее!

Братья Басмановы словно только и ждали этого призыва. Великолепным кульбитом, которому позавидовал бы и профессиональный гимнаст, перескочив через стол, они пустились в пляс. Тут же к ним стали присоединяться охотники показать себя в зажигательном танце. Но до братьев Басмановых остальным было как до Луны. То ли вина перебрали и отяжелели, то ли Басмановы были чудо как хороши.

– Эй! Эй! Эй! Жги! Давай! – заорал что есть мочи Федька и, заложив в рот два пальца, по-разбойничьи засвистел.

И вот тут-то в зал лебедушками, одна за другой, вплыли двадцать красавиц. Музыка стала ровнее, мелодичнее. Пройдясь мелким, семенящим шагом по свободной части зала, они свили хоровод и заскользили друг за другом по кругу, будто и вправду это скользят белые лебеди по зеркальной глади озера.

Словно громом пораженные этой красотой, все мужчины замерли на месте, и только Басмановы Федька с Петькой, влетев в девичий круг, стали отплясывать внутри него, но уже плавно и изящней, сообразуясь с ритмикой хоровода.

Про танцы на царском пиру – особый разговор. Людская молва утверждала, что именно в этот-то момент и начинаются самые большие безобразия – чуть ли якобы не до свального греха доходит. В подобную версию событий Валентин не верил, будучи еще в Ярославле, а уж тем более маловероятной она казалась ему теперь. И вовсе не потому, что был он необычайно высокого мнения о моральном облике обитателей Александровской слободы. Нет, ничуть. Он-то как раз понимал, что в опричные подобрались все как один – мерзавец к изуверу и клятвопреступник к садисту. Думать так его побуждало элементарное знание человеческой психологии. А уж изучению этой науки вечный студент Валентин Василенко посвятил вполне доста-

точно своего личного времени. Чтобы в компании из трехсот мужских рыл случилось нечто похожее на свальный грех, женских особей должно быть ну никак не меньше ста пятидесяти.

А вы себе можете представить коллектив из ста пятидесяти незамужних женщин, собранных в одном месте? Коллектив, единственная задача которого ублажать и веселить царевича и триста его дружков-оболтусов? Тем более русских женщин. Да такой коллективчик будет представлять собой сгусток энергии похлеще атомной бомбы. Он способен взорвать что угодно. Если бы Никита Романович совсем ополоумел и позволил своим сыночку и племяннику собрать такую толпу баб ради удовлетворения их молодецких инстинктов, то давно бы уже не было ни опричнины, ни Александровской слободы. Можно, конечно, нагнать девок силой, из-под палки, и держать их за решеткой. Это пожалуйста. Хоть сто пятьдесят, хоть полторы тысячи. Но такие девки не будут ни плясать, ни радоваться. Так что подобное решение отпадает. Поэтому Валентин и был уверен, что опричных подружек вряд ли больше двадцати. И то перебор.

Так и оказалось на самом деле – двадцать танцорш-лебедушек. И каждая из них может быть уверена в своей личной неприкосновенности в данный конкретный момент. Ибо слишком много среди этих молодых и горячих парней (а у каждого из них, между прочим, еще и кинжал за поясом) тех, кто жаждет быть первым, и почти нет никого, кто согласился бы сейчас стать вторым. А посему тот, кто протянет руки куда не следует, тут же по ним и получит.

Единый хоровод распался на пять маленьких хороводиков, движущихся не только вокруг своей оси, но и по большому кругу, по которому только что кружился большой хоровод. Скорость вращения возросла, движения танцорш стали резче. Теперь то одна, то другая, подпрыгивая, задирала ногу, отчего из-под юбок показывалась до середины голени голая нога. Это был даже не канкан, но у опричников подобные «па» вызывали весьма бурную реакцию. Однако дальше восторженных криков дело не пошло. «Ну да, – подумал Валентин, – положим, некоему Проньке, перевозбудившемуся от вина и лицемерия маленького кусочка женской плоти, и хотелось бы шлепнуть какую-нибудь Веселинку по мягкому месту, но Пронька прекрасно помнит, что к Веселинке ходит и Угрюм, и Рябой, и Павсикакий. Черт его знает, что они себе вообразят. Хлопнет ее Пронька, а кто-нибудь из них вдруг сдуру обидится да и воткнет ему в этот момент кинжал меж лопаток. Нет уж. Он, Пронька, лучше подойдет к ней, к Веселинке, завтра днем, когда народу не так много будет, даст ей гривенный, и благодарная Веселинка сделает ему хорошо. А сейчас – ну ее, эту Веселинку...

Женский кордебалет отплясывал еще какое-то время, после чего потные, уставшие девки покинули зал, даже не соблазнившись тянущимися к ним со всех сторон полными кубками. Надо полагать, выпить им было что и где. А может, и обрыдло им все это. Пьянка эта самая. Ведь не первый же день опричному движению.

– Видал, как танцуют? – поинтересовался Иван у Валентина. – Небось никогда не доводилось видеть такого? – Здесь Иван расхохотался. – Бояре как видят наши танцы, так сразу ругаться начинают. Кто Бога поминает, кто черта...

– Ваше величество, я рад, что вам нравятся танцы, ибо...

– Это смотря какие танцы, – перебил его царевич. – Такие, где девки телесами трясут, точно нравятся.

«Для них, людей шестнадцатого века, подобные развлечения небось верх утонченного разврата, – подытожил Валентин. – Пора и мне выкладывать на стол свои козыри».

– Ваше величество, я приготовил для вас еще один подарок.

– Да? Так давай его.

– Это не совсем обычный подарок. Это тоже танец.

– Так показывай!

Валентин вновь помахал рукой Силке, и тот выбежал из зала.

– Нужна небольшая подготовка, ваше величество.

Тут как раз последовала новая перемена блюд. Слуги убрали парчовые скатерти и застелили столы скатертями из белого набивного шелка. Появились фрукты, ягоды, сладости и орехи. Перемена блюд и суета, с этим связанная, оказались как нельзя кстати. За это недолгое время Валентиновы мастеровые, приведенные Силкой, успели установить дубовый шест, уперев его одним концом в пол, а вторым – в потолок.

– Зачем это? – удивился царевич.

Слуги уже покинули зал, и теперь все пирующие с интересом и недоумением взирали на вертикально установленный шест, возникший между столами. А тут и Ероха появился, ведя за руку девушку. Он довел ее до шеста и оставил в одиночестве, направившись к оркестру. Девушку эту нельзя было назвать упитанной, про нее даже не скажешь «в теле», хотя и худышкой она не была. То есть явно не из тех, про которых говорят: «Секс так и прет». Валентин нашел ее в Ярославле у скоморохов. Та скоморошья команда делала в своих представлениях сильный упор на гимнастику. И выделялся в этой команде один подросток. В отличие от остальных своих собратьев он был не только силен, гибок, скоординирован и резок. Он был еще удивительно пластичен и артистичен. Он умудрялся попадать в такт даже той варварской музыке, которая сопровождала выступление скоморохов и была не более чем фоном.

Валентин сразу же понял, что это девушка, переодетая мальчишкой. Для задуманного им она подходила идеально. А собрался он поразить царевича, обвиняемого общественным мнением в развратности, зрелищем, являющимся в двадцать первом веке практически общедоступным. И впрямь, кто из Валентиновых современников не видел стриптиза? Разве что деревенщина какая-нибудь, живущая в медвежьем углу, до которого даже сигнал телевизионного спутника не доходит.

Почему именно стриптиз? Потому что стриптиз – это разврат. А чем еще можно поразить развратников и завоевать их симпатии, как не развратом, да еще таким, о существовании которого они и подозревать не могли? Ведь здешние танцульки, по меркам Валентина, это никакой не разврат, а самый настоящий детский сад. Да и прочие любимые занятия парней, сидящих за этим столом, вроде «развлечений» с девками в земских селах во время набегов, это тоже не разврат. Это изуверство. А вот стриптиз – это разврат самый настоящий. Утонченный и изощренный.

За одиннадцать месяцев, проведенных в шестнадцатом веке, Валентин неоднократно имел возможность убедиться, что мы, люди двадцать первого, ничуть не умнее, не сильнее, не храбрее и не благороднее наших предков. Если уж в чем-то мы и продвинулись по пути прогресса и превзошли своих предков, то это как раз в тех самых человеческих качествах и в том самом опыте, которые искони относились к ведению сил зла. Вот на этой стезе люди шестнадцатого века против нас сущие младенцы. Именно использование этого своего «преимущества» помогло Валентину не просто выжить здесь, в совершенно новой, незнакомой ему обстановке, и за короткое время достичь высот могущества и богатства, став местным олигархом. Поэтому и в Александровской слободе он не стал изменять уже не раз опробованному методу. «Если уж вас, ребята, все считают развратниками, более того, вы сами, похоже, считаете себя развратниками, да еще и бравируете этим, то тогда, друзья, я вам покажу, что такое настоящий разврат», – думал Валентин в тот самый момент, когда его «воспитанница» подошла к шесту.

Заиграли гусли, ударил бубен, задавая ритм. Танцовщица подпрыгнула, ухватила обеими руками за шест и подтянулась. Сделав мах ногами, она раскрутилась вокруг шеста и, совершив три оборота, опустилась на пол. Отпустив шест, она сделала несколько оборотов в сторону царского стола и обратно, раздув при вращении юбки пузырем. Тут же молниеносным движением она задрала подол верхней юбки и сдернула ее с себя. Зрители синхронно выдохнули: «Ох!» – и юбка, раскрученная над головой, полетела к ним. Треск раздираемой ткани – и она исчезла с глаз долой, будто ее крокодилы проглотили.

Дальше Юлька (так звали танцовщицу – Иулиания), попеременно кривляясь то у шеста, то выходя поближе к зрителям, снимала с себя юбку за юбкой, швыряя их в разные концы пиршественных столов. Гимнасткой Юлька была замечательной, да и танцовщица из нее получилась отличная (в Ярославле Валентин нанял ей учителя танцев и вместе с ним ставил номер). Публика забыла о вине и еде и неотрывно следила за танцем, то охая и рыча, то замирая в полной неподвижности.

Валентин внимательно наблюдал и за царевичем Иваном, и за остальными опричниками. Конечно, здесь были далеко не все царевы люди, а только верхушка, особо приближенные. Но среди присутствующих заметить рыбасоидов Валентину не удалось. Хотя сказать уверенно, что ему удалось рассмотреть все лица, он не мог. Все-таки триста человек как-никак. Да и собранный Лобовым каталог рыбасоидских физиономий, с которым Валентин ознакомился самым тщательным образом, мог быть далеко не полным. Требовалась более тщательная проверка. Но это уже не за столом.

Юлька танцевала около получаса. Все ее двадцать юбок переключались к наэлектризованной публике. Осталась она в одной рубашке, то и дело открывавшей ее ноги, когда она, ухватившись руками за шест, делала «свечку». Этот номер она повторила раз шесть, и каждый раз публика встречала его звериным, утробным ревом. Рубаху она снимала с себя долго, мучительно долго, изрядно потерзав публику, изжаждавшуюся до лицезрения обнаженного женского тела. И наконец-то рубаха была снята и полетела на царский стол, где и исчезла в мгновение ока. То, что увидела публика, завело ее больше, чем если бы Юлька предстала перед нею совершенно голой. В едином порыве все вскочили на ноги, еще мгновение – и, казалось, озверевшие опричники кинутся рвать на молекулы несчастную танцовщицу. Но... вновь заиграла музыка, за мгновение до того умолкшая, и Юлька продолжала танцевать, а опричники стоя, но оставаясь на своих местах, продолжали пожирать ее глазами, сопровождая ревом каждый ее трюк.

Одеяние Юльки, точнее, то небольшое, что на ней осталось, для человека шестнадцатого века было даже более эротичным и удивительным, чем ее танец. Просто Валентин вовремя вспомнил о своей первоначальной бизнес-идее производить женское белье. Реанимировать эту идею в промышленных масштабах ему было уже ни к чему, но вот заказать индпошив небольшого количества комплектов нижнего женского белья показалось весьма перспективным. Трусики, бюстгальтеры и пояса были пошиты из плотного шелка и кружев со вставками в необходимых местах китового уса, а чулки – из тончайшего полупрозрачного шелка. В число «обшитых» попала и Юлька. Надо сказать, что, когда она надела на себя всю эту амуницию и увидела свое отражение в зеркале, самооценка ее выросла раз в десять. Не меньше. Валентин же (вернее, Михайла Митряев), которого она уважала и раньше за предоставленный ей жизненный шанс, стал для нее кем-то вроде полубога. Да и втрескалась, похоже, балаганная гимнастка Юлечка в своего господина и работодателя по самые уши.

Что может быть эротичнее молодой стройной женщины в нижнем белье? Особенно если на ножках у нее полуботиночки с десятисантиметровым каблучком? По мнению Валентина, такое зрелище было куда как развратнее и эротичнее обычной голой девки. Голых девок все видели. А вот такого... Реакция же друзей убедила его в собственной правоте. Процесс раздевания в танце надо остановить на уровне «до белья».

Завершая выступление, Юлька прокрутилась пару раз вокруг шеста на максимальной амплитуде, соскочила на пол и, не гася инерции, пробежала к царскому столу. Там поклонилась в пояс, замерев так на пару секунд, чем довела публику буквально до иступления.

– Ваше императорское величество, мой танец закончен. Разрешите мне удалиться...

По поводу этой фразы Валентин долго спорил с друзьями. Те настаивали, что Юльке ничего не нужно говорить, а надо просто выбежать из зала, а Ероха, Силка и дон Альба последуют за ней и прикроют ее какой-нибудь одежкой. Но Валентину нужна была эта фраза, нужен был этот контакт танцовщицы с Иваном, чтобы перебросить мостик к дальнейшему.

Федька Романов вдруг поднялся на ноги и как сомнамбула потянулся к Юльке, но тут же получил от Ивана удар в плечо увесистым золотым кубком.

– Не лезь... Ко мне обращаются. – Тут уже сам Иван, как только что до него Федька, потянулся к Юльке. – Подойди поближе...

Вот этого-то момента и ждал Валентин. Мгновенно сориентировавшись, он ухватил царевича под руку и шепнул ему на ухо:

– Ваше величество, она не по этой части. Только танцевать горазда. А в любовной науке – дура дурой. Это я вам точно говорю. Сам сколько раз пробовал... Все без толку. Ничему не научишь. Но есть у меня одна... Такая мастерица! По всему свету искать будешь – второй такой не сыщешь. А уж сказок сколько знает...

Про сказки Валентин ввернул намеренно. Поговаривали, что царевич Иван, терзаемый страхами и дурными видениями, частенько не может ночью заснуть. И немудрено. Все-таки мальчишке четырнадцатый год всего. А в этой своей слободе да в набегам на земские деревни насмотрится днем всякого... Тут тебе и убийства, и насилие, и прочие иные изуверства. И взрослый после такого не заснет. Вот и стал к себе царевич звать на ночь сказочников. Чтобы засыпать, значит, под их сказки. Но со сказочниками – тоже беда. Где их наберешься, этих сказок, чтобы каждую ночь новые рассказывать? А за повторы царевич под горячую руку и прибить может.

Вот и решил Валентин одним выстрелом сразу двух зайцев убить – и ночную кукушку, которая будет по его заданию перекукувывать кукушку дневную, то есть Никиту Романовича, в постель к царевичу подложить, и решить окончательно проблему со сказочниками, чтобы никто лишний возле Ивана не отирался. Нехорошо, конечно, устраивать мальчишке «медовую ловушку». Педофилия это самая настоящая. Но если посмотреть с другой стороны... Он, царевич, так и так уже давно с девками и бабами путается. А то и еще чего похуже – с друзьями своими, Басмановыми, как народ болтает. Так пусть уж лучше с одной, с приличной женщиной, которую ему Валентин подобрал.

Сказочный архив у Валентина был практически неисчерпаем. Одной «Тысячи и одной ночи» на сколько хватит... Но Валентин был уверен, что большого количества сказок его протеже и не понадобится. Она и без сказок найдет чем царевича занять и как побыстрее погрузить его в объятия Морфея.

В поисках такой мастерицы-«сказочницы» Валентин отправился на ярославское торжище, на одну из его улиц, где постоянно собирались представительницы древнейшей профессии. Подкатили они туда вместе с доном Альбой на легкой двуколке. Нарумяненные и наряженные жрицы любви стояли или прохаживались по тротуару вдоль забора какого-то склада, держа губами колечко с бирюзой.

– Здравствуйте, девочки, – громко поздоровался Валентин, когда дон Альба остановил двуколку.

– Здравствуй, боярин, – ответила ближайшая к нему девка, вынимая изо рта колечко. – Выбери меня...

Но тут же двуколку обступили и другие «жрицы».

– Меня, боярин... Меня... – твердили они. – Гляди, какая я ладная! А уж как любить тебя буду...

– Послушайте, девочки, не галдите все сразу, – попробовал навести хоть какой-то порядок Валентин. – Каждой из вас я дам сейчас по алтыну. Но вы мне честно скажите, кто из вас самая лучшая? Кто самая большая мастерица в вашем ремесле?

Эта попытка Валентина внести в разговор некую упорядоченность сразу же бесславно провалилась, так как раззадоренные обещанием дармовых денег девки вконец обезумели и лезли к двуколке, отталкивая друг друга и вопя:

– Я... Я... Я...

Валентин даже растерялся от такого напора бестолковых девок (ну как с такими людьми разговаривать?), но положение спас дон Альба. Он поднялся на ноги и, оттянув хлыстом самых наглых, взревел:

– Молчать, дурищи! Все назад!

Мера эта оказалась весьма действенной. Жрицы любви отлипли от двуколки и, вновь поднявшись на тротуар, выстроились в линеечку по его краю. Базар сразу же прекратился.

Валентин выбрался из двуколки и подошел к девке, стоящей первой с левого края. Он взял ее за руку и вложил в ладонь три копейки.

– Кто?

– Аська, – охотно ответила девка.

Он протянул деньги следующей.

– Кто?

– Аська...

Еще шаг.

– Кто?

– Аська...

Следующая.

– Кто?

– Я.

– Ты Аська?

– Нет. Ольга я. Но я самая лучшая.

Валентин смерил ее внимательным взглядом, переглянулся с доном Альбой и качнул головой.

– Нет. Молода слишком.

Следующая взяла деньги и, не дожидаясь вопроса, представилась:

– Аська – это я. Они не врут. Я действительно самая лучшая.

Внешность ничего, подходящая. Да и возраст соответствующий, не девочка уже.

– Дети у тебя есть? – поинтересовался Валентин.

– Зачем тебе мои дети, боярин? – удивилась она. – Ах, ты из этих... Тьфу! – Сплюнув, она бросила деньги на мостовую и отошла от края тротуара. – Поезжайте отсюда, бояре. Таких, какие вам нужны, вы здесь не найдете.

Следом за ней и другие отошли от края тротуара.

– Эй-эй, да вы меня не так поняли, – принялся оправдываться ошарашенный Валентин. – Мы совсем не такие! Мне просто нужно знать, есть ли у женщины дети, чтобы...

Но его, казалось, никто уже не слушал. Жрицы любви, словно позабыв о «боярах» и их обещании заплатить каждой по алтыну, уже вернулись на свои первоначальные позиции. Валентин поглядел на дону Альбу, словно спрашивая его: «Что же делать?» – но тот лишь пожал плечами в ответ. Валентин уже было собрался сесть в двуколку, чтобы уехать отсюда, как к нему подошла женщина лет тридцати и тронула его за рукав. Во время всеобщего ажиотажа среди ее товарок она, казалось, не проявляла никакого интереса к происходящему, спокойно стоя в отдалении.

– Я знаю, боярин, кто тебе нужен, – сказала она. – Эти соски... – презрительно улыбнувшись, она мотнула головой в сторону товарок. – Они даже не представляют, что значит быть лучшей. Понаехали тут... Вчера лишь из дремучих лесов повыбирались и вообразили себе... Деревенщина. – Она так и пылала горячей ненавистью и презрением к своим более молодым и, судя по всему, более удачливым коллегам. – Да они, если хочешь знать, боярин, вообще о мастерстве любви понятия не имеют. Только и умеют, дурищи стоеросовые, что лежать, как колоды, да болтать без умолку. Тьфу! Анчутки проклятые! – В сердцах сплюнув, она перевела дыхание и продолжала: – Тебе, боярин, Василиса-портниха нужна. Вот уж мастерица была!

Она в свое время по всему Ярославлю гремела! И тогда она была непревзойденной. А уж с нынешними и сравнивать нечего.

– Так где найти ее, эту Василису? – заторопился Валентин. Он достал из кармана гривенный и сунул в руку женщине. – Да не стара ли она слишком?

– Не-эт... Я же поняла, что тебе нужно, боярин. Годков тридцать ей, не боле. И детишек двое: мальчик и девочка. Десяти и двенадцати лет. Уж и красавица она, и умна, и заботлива, и предусмотрительна, а ремеслом любовным владеет, как никто другой.

– Так где живет она?

– А давай сейчас прямо и покажу.

Валентин посадил женщину в двуколку, следом уселся сам, и дон Альба тронул лошадь. По дороге они узнали от словоохотливой собеседницы, что Василиса не «работает» уже года три-четыре. На собранные деньги (большая редкость для особ этой профессии) купила себе дом. А при доме еще и мастерская имеется. Наняла четырех мастериц-белошвеек и шьет теперь детскую одежду на продажу. Живет, не бедствует.

Судя по рассказу, личностью Василиса была неординарной. Это уже хорошо. А остальное выяснится при личном контакте.

Остановились у небольшого ладного домика в Гончарной слободе. Проводница, спрыгнув с двуколки, громко постучала в калитку.

– Василиса, открой! Это я!

На стук открыла сама хозяйка. Пока она здоровалась со старой подругой, Валентин успел рассмотреть ее с высоты своей двуколки. Красавица, несомненно. Идеально чистая белая кожа без единой морщинки. А то, что тридцатник ей, это даже скорее хорошо. Да, фигура слегка отяжелела, зато появилась эдакая основательность, матерость. «Чисто внешне идеально подходит на роль любовницы-мамочки, – решил Валентин, – а как у нее со всем остальным, сейчас выясним».

Он слез с двуколки и подошел к женщинам.

– Здравствуй, Василиса. – Он вложил в ладонь проводнице еще один гривенный. – Спасибо, что проводила. Ты иди, нам с Василисой потолковать надо.

– Здравствуй, сударь. Не знаю имени твоего. – Василиса с интересом и без всякого страха или сомнения глядела на незнакомца, привезенного к ней старой подругой. Несомненно, та успела шепнуть ей, в связи с чем он разыскивает ее. – Извини, но делом, которое тебя интересует, я уж давно не занимаюсь. Не обессудь, ничем не могу помочь.

– Я Михаила Митряев, – представился Валентин. – Слышала, наверное, такую фамилию? Василиса усмехнулась.

– Еще бы. Не только фамилию, но и имя твое слышала, и про то, как ты отчима своего из города вон направил, тоже слышала. Не думала, что ты так молод.

– Молодость – это недостаток преходящий, – изрек Валентин. Василиса рассмеялась. Похоже, новый знакомый начинал ей нравиться. – Земство меня, Василиса, послом к царю направляет. Боярская дума и купеческая гильдия считают, что я сумею молодого царя уговорить с раздором и разделением в стране нашей покончить.

– Что ж, Бог в помощь тебе, Михаила Митряев. Дело большое, а ты, видать, из молодых да ранний. Справишься – глядишь, и боярство тебе пожалуют.

– Боярство мне, Василиса, ни к чему. У меня и так есть все, что человек только пожелать может. Не о себе хлопочу. О родине нашей и обо всех людях русских печалюсь.

– Ты, сударь, человек большой, и заботы у тебя большие. От меня-то что тебе нужно? Я человек маленький, и мирок мой маленький, и делишки у меня маленькие. А все, что за пределами моего мирка делается, меня не касается.

– Ой ли? Слышала небось, что опричные с земскими вытворяют, когда на отдаленные деревни наезжают?

– Слышала. Я-то при чем?

– А ты думаешь, что если все так оставить, то рано или поздно они сюда не нагрянут? А у тебя детишки... Подумай, что с ними станет.

Она лишь пожала плечами и отвернулась в сторону.

– О таких делах пусть первые люди думают, а я самая распоследняя.

– Неправду говоришь. В своем ремесле ты тоже первая.

– Я уже говорила, ремеслом этим больше...

Но Валентин перебил ее, не дав договорить:

– Одному мне ничего не добиться. Со мной друзья мои едут. И каждый из них – первый в каком-либо деле. – Он кивнул в сторону двуколки. – Вон... Иван Альба, испанский дворянин, не одну войну прошел. Нет ему равных во владении любым оружием. И он о благе нашего народа думает. И другие так же. Нам лишь тебя не хватает.

– Ох... – тяжело вздохнула Василиса. – Ну и прилипчивый ты, как банный лист. Чего же ты хочешь от меня? Чтобы я вас там ублажала, пока вы за родину сражаетесь? – спросила и ехидно улыбнулась.

Это было уже кое-что. Хоть и гипотетически, но она уже допустила, что может стать членом команды. Теперь можно было перейти и к материальным стимулам.

– Ты заработаешь очень хорошие деньги. Твой сын станет членом купеческой гильдии. Разве не об этом ты мечтаешь? – Валентин внимательно посмотрел ей в глаза. – А по поводу того, что тебе придется нас ублажать... Может, тебе вообще никого не придется ублажать, – слукавил Валентин. – Нас-то уж точно.

– Чего же тогда ты, сударь, от меня хочешь? – искренне удивилась Василиса. – Что я могу? Неужто обшить кого надо?

Материальная заинтересованность, конечно, вещь очень важная, но идея, общая цель, общая задача куда важнее. Об этом Валентин знал не только из учебников бизнес-этики и корпоративного управления, когда-то пролистанных им, но и из собственного жизненного опыта. И Василиса, похоже, уже начала проникаться этой общей идеей.

– Царевич Иван сирота с шести лет, с тех пор как умерла его мать, царица Анастасия. Воспитывался у дядьки, без материнской ласки и женского влияния. Отсюда и та жестокость, та резкость в характере, о которых все говорят. Ты же станешь ему близким человеком, вместо матери ему будешь.

– Это каким же образом мне такое удастся?

На этот раз Валентин решил не лукавить:

– Он любит, когда ему сказки на ночь рассказывают. Я тебя представлю как знаменитейшую сказочницу в Ярославле. Либо...

– Либо?... – переспросила Василиса.

– Либо, если не пройдет вариант со сказочницей, представлю тебя как величайшую мастерицу в любовных утехах.

Василиса аж захлебнулась от возмущения.

– Так ты меня хочешь в постель с мальчишкой уложить?! Ему же небось лет десять всего!

– Четырнадцатый пошел, – с совершенно невинным выражением лица поправил ее Валентин, решив вновь прибегнуть к маленькой хитрости. – Опять же не факт, что тебе придется с ним в постель ложиться. Ведь ты же всегда умела мужчинами вертеть, как твоей душеньке заблагорассудится. Как дело поведешь... Может, он сразу же к тебе сыновним почтением проникнется, и ни о какой постели и речь идти не будет. Да и... В конце концов, даже если разок-другой что приключится, то греха на тебе не будет. Не ты его развращала. Сама небось слышала, что развращен царевич уже давно и сверх меры. Не ты, так другая в его постели окажется.

– Слышала... – Василиса ненадолго задумалась. – Приезжай завтра, дам ответ.

Так бывшая проститутка, а ныне портниха и предпринимательница Василиса оказалась в команде Валентина.

– Проводи меня в опочивальню, – приказал царевич Валентину. – Он выбрался из-за стола и, слегка покачнувшись, оперся на плечо Валентина. Тут же к нему подскочили и братья Басмановы, и отец келарь, князь Афанасий Вяземский, но царевич твердо проговорил: – Пошли вон! Все пошли вон! Желаю, чтобы только Михаила меня до спальни провожал!

Столь резкое возвышение в дворцовой иерархии наверняка добавило врагов чересчур удачливому купцу, но Валентин по этому поводу не переживал. Волков бояться – в лес не ходить. А не для того ли он сюда ехал, чтобы стать доверенным человеком царевича и научиться им управлять?

Так, в обнимку, сопровождаемые доном Альбой, Силкой и Ерохой, добрались они до царской спальни, где Валентин сдал пьяненького царевича на руки денщику. Но Иван воспротивился, когда тот принялся раздевать его.

– Пошел вон! Михаила, ты помоги мне раздеться!

Еще Валентин не закончил раздевать царевича, как в дверь спальни постучали.

– Заходи... – разрешил Иван. – Кто это?

– Сказочница, ваше величество, – вкрадчивым тоном произнес Валентин. – Помните, я вам о ней говорил.

В полутьме, царившей в спальне, Василиса смотрелась даже эффектнее, чем при дневном свете. Она подошла к Валентину и мягко отстранила его рукой.

– Ваше величество, давайте я помогу вам сапожок стянуть. У меня ловчей получится. – Иван плюхнулся на постель, а его сапог каким-то непостижимым образом оказался в руках у Василисы. – Вы прилягте, ваше величество. Так сподручней будет. – Она легонько, едва коснувшись плеча, подтолкнула его, и Иван развалился на постели, раскинув руки в стороны. – Она взялась за второй сапог, но прежде чем стянуть его, медовым голосом промолвила: – Я тут сказочку для вас, ваше величество, приготовила... Рассказать, может?

– Д-да?... Давай.

– Давным-давно, за тридевять земель, в одном восточном государстве...

«Ну, с богом... – подумал Валентин. – Начало положено. Мне уже тут нечего больше делать». На цыпочках он вышел из спальни и осторожно притворил за собой дверь.

– Т-ш-ш, – приложив палец к губам, прошипел он охранникам, стоящим по обе стороны двери. – Государь спит.

Перед тем как отправиться спать, Валентин заскочил к друзьям. У тех накопилась целая куча впечатлений, вынесенных ими с царского пира, и они наперебой принялись ими делиться с Валентином, но он вынужден был остановить их:

– Стойте, стойте, парни. Все завтра. Надо хоть немного поспать. А то эти местные сумасшедшие грозились поднять нас до света – заутреню служить.

– Ну и что? – удивился Ероха. – Подумаешь... Можно и не поспать разок.

А вот этого Валентин никак не мог допустить. Ему за эти несколько часов сна предстояло еще смотаться в двадцать первый век и обратно. Учитывая, что время в будущем течет во много раз медленнее, у него будет для общения с Лобовым не более нескольких минут.

– Михаила прав, – поддержал дон Альба. – Завтрашний день может быть посложней нынешнего. Ложимся спать.

Через пару минут Валентин был уже в своей постели, и еще несколько минут ему понадобилось, чтобы провалиться в сон. А вот и белый туман, такой плотный, что в нем можно плыть, как в молоке. Из тумана Валентин вынырнул у самых ворот своего нового портала. Открыл ворота и вошел внутрь. И сразу сквозь большое панорамное окно увидел Веру.

– Привет, Вера! – сказал он. – Что сейчас у вас? День... Ночь?

– Ночь, – ответила Вера.

– Буди Михалыча, у меня мало времени.

Но не успела Вера тронуться с места, как раздался голос Лобова:

– Я здесь, Валентин. Начинаю отсчет. Десять, девять, восемь...

Валентин отпер замок и толкнул дверь наружу. Свет... Яркий свет лампы ударил ему в глаза.

– Энцефалограмма в норме. Пульс, давление в норме. – Это Вера. – Привет, Валя.

– С возвращением тебя, Валентин. – Это уже Лобов.

Валентин похлопал глазами, привыкая к яркому свету, сел.

– У меня совсем нет времени. Боюсь, клиент проснется, когда я еще не успею вернуться.

Нехорошо получится. Вера, даже датчики не снимай. Тащи сюда Михалычев лэптоп, мне надо базу рыбасоидов еще раз проглядеть.

Вера умчалась выполнять его просьбу, а Лобов, внимательно глядя на своего слипера, приказал:

– Докладывай, Валентин.

– Подробности позже, когда у меня будет чуть больше времени, а пока основное. Попал в одна тысяча пятьсот шестьдесят седьмой год. Прожил там двенадцать с половиной месяцев. Новый год там наступает первого сентября, и сейчас я нахожусь в октябре шестьдесят восьмого. Браслет утерял сразу же, при переселении, и только сегодня его вернул. Можно сказать, случайно. Без браслета вернуться не мог, сколько ни пытался. Ни Рыбаса, ни рыбасоидов там не видел, но косвенная информация об их пребывании в этом времени имеется. Сегодня же удалось внедриться в местное руководство. Надеюсь обнаружить рыбасоидов именно там.

– Степень личной опасности?

Валентину очень не хотелось отвечать на этот вопрос, но куда не денешься. Он тяжело вздохнул.

– Я, Роман Михалыч, в Александровскую слободу сегодня прибыл. Послом к царю от земщины.

– К Ивану Грозному? В слободу? В это осиное гнездо? – ужаснулся Лобов.

В этот момент появилась Вера с уже включенным компьютером и поставила его на колени Валентину. На экране даже светилась нужная ему страница.

– Спасибо, – поблагодарил Валентин. – Не совсем к Грозному... Там царем сейчас тринадцатилетний мальчишка. Тоже Иван. Сын того самого Грозного. А Грозный за несколько лет до этого от трона отказался и в монахи подался. Его теперь все Блаженным Василием зовут. А всеми делами там царев дядька заправляет. Боярин Никита Романович Юрьев-Захарьин. Но опричнина на своем месте. И в принципе все на месте, за исключением нюансов.

– Но, насколько я помню историю, – сказал Лобов, – опричники – это самая настоящая банда маньяков-убийц. Не слишком ли опасно там находиться, Валентин? Тем более что и информация о рыбасоидах у тебя только косвенная. Может быть, попробовать попасть в другое время?

– Бесполезно, Роман Михайлович. С этим браслетом я попадаю в одну и ту же эпоху и в одно и то же тело.

– Так, может, бог с ним, с браслетом? Найдем другой материальный носитель времени.

– Но ведь вы же его еще не нашли?

– Нет. Мы и не искали.

– Когда найдете, тогда и появится предмет для обсуждения. А пока что я со своим Михайлой Митряевым попробую чего-нибудь добиться. Сколько я летал, Роман Михайлович?

– Почти восемь суток.

– От Ракитина не было известий? Все-таки у него большой опыт проведения силовых операций. Думаю, мне понадобится его помощь. По крайней мере, хотелось бы на это надеяться.

Лобов скептически хмыкнул.

– В ближайший месяц я и не ожидаю, что он проявится. – Лобов опять хмыкнул и покачал головой. – Я об этом и говорю, Валентин. Ты сам чувствуешь, что ситуация там слишком опасна. Давай остановим полет.

– Ни в коем случае, Роман Михайлович, – энергично воспротивился Валентин. – Уровень опасности в любую эпоху будет достаточно высоким. Ведь там приходится не мозги крутить людям, что мы успешно проделываем в настоящем, а вступать в прямое противостояние. Да и рыбасоидов надо ведь уничтожать не как-нибудь, а фи-зи-чес-ки. И здесь уж ничего не изменишь. А с этим опытом, сами знаете, у меня пока не очень густо. Потому и спросил о Саше.

– Д-да... – Лобов ненадолго задумался. – Наверное, поторопился я. Давай отменим полет и дождемся возвращения Ракитина.

– Еще чего! – возмутился Валентин. – И не нужен мне Ракитин вовсе! Это я так просто спросил... Помощь опытного в военном деле человека не помешает. А нет его – так и не надо. Своими силами обойдемся. Я там вполне боеспособную команду собрал. – Во время этого диалога Валентин так и не оторвал взгляда от компьютерного экрана. Наконец он покончил с чередой фотографий и отложил компьютер. – Все, Роман Михайлович. Я готов. Отправляйте обратно.

– Ты уверен? – все еще колеблясь, спросил Лобов.

– Абсолютно. – Валентин вновь лег на кушетку и вытянул руки вдоль тела. – А кстати... Что-то Нины Федоровны не видно. Она здесь?

– Нет. Все никак не закончит со своими пенсионными делами. Так... Ты готов?

– Да.

– Начинаю отсчет. Смотри в глаза... – Лобов перещелкнул пару каких-то переключателей. Раздался негромкий жужжащий звук генераторов электромагнитных полей. – Один, два, три...

Валентин вновь оказался перед своим порталом и, внимательно оглядев его, удовлетворенно хмыкнул. Добротное все-таки сооружение получилось. Он прошел сначала одни ворота, запер их и прошел ко вторым. Бросил оттуда последний взгляд через окно на Веру и Лобова. Сделал им прощальный жест рукой, как космонавт перед стартом.

– Будь осторожен! – Это Вера.

– Удачи тебе, Валентин! – Это Лобов.

Валентин прошел вторые ворота, тщательно запер их и дождался, пока белый туман, клубившийся у его ног, не начал взбухать, заполняя собой все пространство. Тогда он шагнул в него и, оттолкнувшись от земли, поплыл, поплыл...

Проснулся Валентин от какого-то шума. Оттолкнул в сторону огромную подушку, почему-то оказавшуюся у него на лице, и сел в постели. Точно, требовательный стук в дверь.

– Кто там?

– Эй, земский, царевич велел тебя разбудить. К заутрене пора!

– Сейчас иду!

За дверью кто-то громко затопал сапожищами, удаляясь. Не теряя времени, Валентин принялся одеваться. «Показательные выступления прошли удачно, – мысленно констатировал он. – Теперь начинается самое трудное и ответственное – каждодневная кропотливая работа».

II

Предложение Лобова категорически не понравилось Валентину. Приостановить полет и дожидаться... А чего дожидаться? Возвращения Саши Ракитина? Бред какой-то... Получалось, что опытный слипер с почти десятилетним стажем этой весьма специфической работы при полетах в прошлое котируется ниже фактического новичка, можно даже сказать, салаги в их непростом деле. Нет, этого Валентин допустить никак не мог. Да, он понимал, что Ракитин добился определенных успехов, и теперь в глазах Лобова он в некотором роде эксперт по полетам в прошлое. Тем больше причин было у Валентина доказать шефу не просто свою профессиональную состоятельность, но и превосходство. Валентин являлся лучшим и намерен был оставаться таковым и впредь. А для этого надо было поторопиться с поисками Рыбаса и его рыбасоидов. Но, как назло, с выполнением этой задачи все обстояло как раз не очень удачно. А если уж быть точным, то совсем неудачно. По сути дела, рассказ князя Линского об исчезнувшем опричнике оставался единственным косвенным свидетельством того, что рыбасоиды присутствуют в царском окружении.

Первым делом Валентин постарался найти опричников, убивших в Ярославле Ваньку Рыжего. С помощью князя Линского это оказалось не столь трудной задачей, как представлялось изначально. Один из этой четверки молодцов – тот, кому достался браслет, – уже погиб. Остальных Линский без труда обнаружил среди своих ближайших дружков, порасспросив их о событиях в Ярославле. К великому сожалению Валентина, рыбасоидами они не были, а Ваньку убили, оказывается, вовсе не из-за браслета.

Пути этой компании пересеклись с Рыжим на одном из постоянных дворов между Ярославлем и слободой. В пьяной ссоре Ванька не только умудрился поколотить четверых опричников, но заставил их бежать с постоянного двора самым постыдным образом. Их коней же Ванька увел с собой в Ярославль, где и продал, видимо, с выгодой для себя. Но на его беду один из этой четверки был ярославцем, опознавшим Рыжего. С его помощью им и удалось разыскать Ваньку. А разыскав Рыжего, опричники с ним поквитались и за свой позор, и за нанесенный им ущерб. Браслет же взяли просто так, как занятную безделицу. На память о рыжем хвастунишке, бахвалившемся своей силой.

Была у Валентина сильная надежда на немцев, служивших в опричной дружине. Таковых оказалось десятка два. Их физиономии он изучил самым тщательным образом, мысленно сравнивая их с лобовской базой данных. Нет, таких лиц в лобовском фотоальбоме не было. Однако это вовсе не свидетельствовало о том, что они не могут быть рыбасоидами. Но для их проверки надо изобретать какие-то другие методы. Неплохо было бы заполучить сюда на денек-два Нину Федоровну. За нею числилось одно замечательное умение – она наяву видела ауру человека. И не только человека, но и рыбасоида. И очень даже элементарно их по этой самой ауре вычисляла. Валентин так не умел. Люди вообще все разные, и люди со сверхспособностями тоже. Один лучше умеет одно, другой – другое. Нет, в принципе если поднапрячься, то ауру какого-нибудь одного субъекта и Валентин сумел бы разглядеть. Но такое получалось у него, только когда он находился в собственном теле.

Не поставь Лобов вопрос о фактическом отстранении его от задания (пусть и под предлогом заботы о его безопасности) – Валентин обязательно попросил бы отправить вместе с ним Нину Федоровну на пару деньков. В сложившейся же ситуации приходилось рассчитывать только на себя.

А постоянных обитателей в Александровской слободе обреталось немало. Одних опричников тысяча шестьсот человек плюс царский двор какой-никакой. Хоть и считался двор на походном положении, но несколько сотен человек все равно набиралось. Да еще опричники, получившие от царя поместья и жившие в них. Эти тоже частенько наезжали в немалых

количествах и жили в слободе по несколько дней. Торговцы, торгующие вразнос, скоморохи и крестьяне, привозящие свою продукцию на продажу, околачивались в слободе регулярно, но вероятность маскировки рыбасоидов среди людей столь низкого звания рассматривалась Валентином как нулевая. Не то пришлось бы еще не одну сотню человек просматривать.

С просмотром рядовых опричников Валентину здорово помог дон Альба. Царевич Иван, памятуя о параде, устроенном в его честь, пристал к своему новому другу с требованием обучить сему искусству его опричную дружину. Валентину это было только на руку. Теперь дон Альба не меньше двух часов в день занимался с личным составом, свободным от караулов и нарядов, строевой подготовкой. Поначалу он и сам был недоволен этим своим новым заданием, совершенно не понимая, зачем воину нужна эта шагистика. Но Валентин убедил его в полезности данного занятия, доказывая, что, чем больше сил оставят опричники на плацу, тем меньше у них останется на всякие пакости. Благодаря же этим занятиям Валентин получил возможность внимательно разглядывать физиономии царских дружинников.

Но кроме задачи поиска Рыбаса и рыбасоидов существовала официальная цель, собравшая воедино их команду, – перетянуть царевича на сторону земщины и таким образом покончить с разделением Русской земли, неизбежно ведущим к гражданской войне. И для достижения этой цели Валентин велел каждому по мере возможности вживаться в обстановку, знакомиться с людьми, заводить как можно больше приятельских отношений.

Так уж получилось само собой, что на первом же пиру все они были приняты в опричное братство. Вроде бы никто и не объявлял об этом, и процедуры инициации никакой не проводилось, но прислал им царевич Иван в дар монашеские рясы, тем самым уравнивая земских посланцев со своими, опричными. И Ероха с Силкой таким положением охотно и умело пользовались. Заведя множество знакомств среди рядовых опричников, они уже и службу чуть ли не на равных с ними несли. Во всяком случае, какой бы отряд ни отправлялся за пределы слободы, Силка и Ероха были в его составе. И главным для них в такой поездке было даже не столько помешать опричным набезобразничать и напаскудничать, сколько следить и выявлять любую странность.

У дон Альбы с наведением мостов дружбы и приязни дела обстояли посложнее. Испанца, ежедневно гонявшего их по плацу, рядовые опричники дружно возненавидели. Так что отправиться вместе с ними куда-нибудь за пределы слободы дону Альбе и в голову не могло прийти. При первом же удобном случае любой из опричных наверняка с удовольствием всадил бы ему пулю в спину. А тут еще и Валентин подсыпал перчику в эти непростые отношения. Заручившись согласием царевича Ивана (без зуботычин, мол, не выучить воина настоящему строевому шагу), Валентин разрешил испанцу пользоваться в процессе обучения и кулаком, и палкой. Валентину было необходимо увидеть реакцию обучаемых на боль (памятуя о том, что у рыбасоидов существенно, по сравнению с людьми, занижен болевой порог), но дон Альбу, однако, излишне увлек сам процесс.

Особенно доставалось двум немцам: Краузе и Штадену. Валентин в конце концов не выдержал, сделав испанцу выговор:

– Дон Альба, я тебя просил бить каждый раз разных, чтобы я мог увидеть их реакцию. Мне это для дела нужно. А ты колотишь этих несчастных немцев беспрестанно!

– А что я могу сделать, – оправдывался испанец, – если они самые тупые и ленивые.

Так это было на самом деле или нет, Валентин не знал. Скорее всего, у дон Альбы на немцев вырос огромный зуб с тех самых пор, когда он в Германии сражался с еретиками.

Царевич Иван с удовольствием наблюдал вместе с Валентином за процессом обучения своих воинов. Иногда поглядеть на диковинное зрелище подходили и представители старшего поколения: Никита Романович и Басманов-старший.

– Чудно! – обычно восклицал Никита Романович. – И бестолково! Зачем это воину?

Но старый вояка Басманов с ним не соглашался:

– Не скажи, Никита Романович. Неглупо задумано. И красота... – Как истинный генерал, Басманов не мог не оценить эстетики парадного строя. – И польза для дела. Воины сплачиваются, научаются чувствовать плечо друг друга. На поле боя не требуется ходить с одной ноги, но многое приходится делать одновременно. Так что выучка эта даром не пропадет.

– А по-моему, глупость это, – ворчал Никита Романович. – Эй, Михайла, это где же такое удумали?

– В испанском войске, – уверенно соврал Валентин и кивнул на дону Альбу. – Мой испанский друг говорит, что испанцы, как выучились парадному строю, так стали бить всех подряд. Легко...

Вообще-то взаимоотношения с Никитой Романовичем, которого Валентин заранее внес в список главных врагов, неожиданно сложились как нельзя лучше. Первая их более-менее основательная беседа, если и не заставившая Валентина вычеркнуть Никиту Романовича из вышеупомянутого списка, но уж во всяком случае поколебавшая его уверенность в патологической зловредности царского дядьки, состоялась на следующий день по приезде. Валентин столкнулся с ним в одном из коридоров дворца, когда возвращался к себе в комнату после заутрени, дисциплинированно выстоянной им вместе с «братьями-монахами». Нормальные люди в это время только просыпались, а братья, отстояв службу, вновь отправлялись дрыхнуть.

– А-а, Михайла, и тебя уже в рясу обрядили... – заметил Никита Романович, столкнувшись в коридоре с Валентином чуть ли не нос к носу.

– Доброе утро, ваше сиятельство, – поздоровался Валентин.

– Доброе, доброе... – Боярин Юрьев-Захарьин, видимо, неплохо выспался прошедшей ночью, а с утра никто не успел вывести его из душевного равновесия, поэтому настроен он был весьма благодушно. – Как тебе царский пир глянулся?

Судя по этому вопросу, Никите Романовичу еще не успели доложить обо всех обстоятельствах вчерашнего застолья.

– Глянулся, – скромно, чуть ли не потупив глаза долу, ответил Валентин. – Все, что ни исходит от царской власти, для русского человека есть благо. Ибо для русского человека царь всегда есть светоч и надежда.

Никита Романович коротко хохотнул.

– Эка ты завернул... Ты, Михайла, случаем, на попа не учился?

– Не-а...

– Многим земским царский пир совсем не по нраву пришелся.

– Мне же все понравилось. Великий государь меня чашей своей жаловал...

– Ведерной?

– Не-а... – Валентин изобразил руками размер кубка. – Обычной...

– Ну, знать, понравился ты ему. Да если бы не понравился, рясу эту скоморошью в дар тебе не прислал бы. Мальчишки... Балуются еще... Тебе-то, Михайла, который год?

– Мне? Девятнадцать, двадцатый уже.

– Что ж... Возраст серьезный, в разум, похоже, вошел. Да и подарки такие занятные Ивану привез. Немудрено, что он к тебе потянулся. Пойдем, я тебе тронную палату покажу. Хочешь?

Еще бы Валентину этого не хотеть! Такое предложение свидетельствовало о весьма неожиданной благорасположенности царского дядьки к земскому посланцу.

Вход в тронный зал находился за большой двустворчатой дверью, сплошь покрытой затейливой золоченой резьбой. Караульные, стоящие у двери, увидев царского дядьку, тут же отлипли от стены и замерли, прижав к себе бердыши.

– Вот я вам... – погрозил им Никита Романович, когда они раскрыли перед ним створки дверей.

Сводчатый зал с двумя рядами колонн был весь расписан неярким растительным орнаментом. В основном какие-то причудливые ветки, лозы, голубенькие цветочки и разнообразные листья. А на центральных местах сидели черные двуглавые имперские орлы в овалах, свитых из дубовых листьев. Напротив двери на трехступенчатом возвышении стоял трон. Вместо ножек он опирался на спины двух золотых львов, спинкой же служил двуглавый резной орел с поднятыми крыльями. Короны у орла были золоченые или золотые. С расстояния и не разберешь. Подлокотники же у кресла были вырезаны то ли из слоновой кости, то ли из моржового бивня с набивными бархатными вставками под царские локотки. Такая же мягкая вставка малинового цвета была и на груди у орла. Вдоль стен зала как по линейке были расставлены стулья, а пол закрывали толстые, пушистые ковры.

– Ну как, нравится? – поинтересовался Никита Романович у своего спутника.

– Красота... – ответил Валентин, нисколько не слухавив.

– Итальянские мастера делали, – деловито пояснил Никита Романович, кивнув на трон.

– А что же не нашим мастерам заказали? Наши, ярославские, чай, не хуже сделали бы. – Слова эти вылетели у Валентина как-то сами собой, автоматически. И сказано это было просто, без всякого умысла. Лишь бы разговор поддержать. Но едва он услышал сам себя, как сообразил, что говорить этого не следовало бы.

Никита Романович вздохнул и сделал приглашающий жест рукой, указав на стулья.

– Присядем... – Они уселись, причем Валентин сел через два стула от всесильного регента, на третий. Сел он на самый краешек, повернувшись к собеседнику и аккуратно, как паинька, сложив руки на коленях. Никита же Романович вальяжно развалился, вытянув вперед ноги и сложив руки на небольшом, едва наметившемся пузике. – Так ты, Михайла, говоришь, что отчим твой... Что там с ним случилось?

– Осужден земским судом на исключение из купеческой гильдии и изгнание из города.

– За что же его так?

– Торговлю вел на иностранные деньги.

– Эк его... – крикнул Никита Романович. – Как же он так опростоволосился?

Валентин лишь всплеснул руками.

– Ума не приложу. Неужто денег мало ему было? Ведь сел на все готовое. Распоряжался всем достоянием семьи, накопленным многими поколениями нашего рода. Не знаю... А мне пришлось виру за его прегрешения выплачивать. Десятую долю от всего...

– Эк... – вновь крикнул Никита Романович. – Жаль, жаль... И у меня с ним кое-какие делишки неоконченными остались.

– Я как наследник и назначенный судом распорядитель готов продолжить все митряевские дела.

– Ладно. – Никита Романович кивнул с видимым удовлетворением. – Позже как-нибудь обсудим. – Он отнял одну руку от живота и тщательно пригладил бороду. Во время этой паузы Валентин сидел не шелохнувшись и ожидал продолжения разговора. – А скажи-ка мне, Михайла, кто же послал тебя сюда?

Валентин сделал удивленные глаза.

– Вы же видели верительные грамоты... Дума боярская да гильдия купеческая.

Никита Романович усмехнулся.

– Не о том спрашиваю. Понятно, что Дума, немного удивительно, что гильдия... Кому именно первому эта мысль в голову пришла? Ведь в начале любого большого дела конкретный человек всегда стоит. И почему именно тебя выбрали?

– Мне, Никита Романович. Мне эта мысль в голову пришла. А поддержал меня Прозоров Гурьян Гурьяныч. В одной стране ведь живем: и земщина, и опричнина. А чем живем и как, того друг про друга не знаем. Отсюда и недоверие, и небылицы всякие про то, что и здесь, и там делается. Вот и придумал я это посольство. Здесь, в слободе, я земские интересы представлять

буду, а там, в Ярославле – ваш интерес. Глядишь, и разговор спокойный между опричниной и земщиной завяжется. Ведь главное – начать. Хоть с малого шажочка.

Боярин не смог сдержать двусмысленной ухмылки. Теперь он буквально ел собеседника глазами, словно пытаясь проникнуть взглядом в его голову и прочитать его мысли.

– Я в купечестве никогда не сомневался. Купцы всегда чувствовали, что правда на нашей стороне. Одно удивительно. Ради такого дела и Прозоровы с Митряевыми примирились?

– На самом деле мы с Гурьян Гурьянычем сначала общий язык нашли, а уж потом мне эта мысль про посольство в голову пришла.

– И чего же вы хотите с Гурьян Гурьянычем?

Здесь уж настал черед ненадолго задуматься и Валентину. Можно было, конечно, продолжить играть в дипломатию, но Валентину показалось, что боярин Захарьин готов говорить с ним откровенно, без экивоков, и ждет от него такой же открытости. А потому он решил не крутить, а перейти к самой сути дела.

– Примирения, Никита Романович. Примирения и воссоединения Руси. И величия государства русского.

Вновь воцарилась непродолжительная пауза, и вновь боярин-регент сверлил Михайлу глазами. Теперь Никита Романович не сидел вальяжно развалившись, а весь подобрался, как хищник перед броском.

– И бояре этого хотят? – спросил он.

– Конечно. Бумагу-то они мне подписали.

Никита Романович скептически хмыкнул.

– Знаем мы, чего они хотят. Царя Ивана в безвольную куклу превратить, под себя подмять, меня же и родню мою от царя удалить и в ссылку отправить. Самим же творить безобразия всяческие!

Ближайший царский родственник не играл. Он говорил откровенно. Откровенно и... эмоционально. А значит... Значит, внутренне он готов к поиску компромисса. Но удерживает его от этого страх. Страх потерять Ивана, страх потерять положение, а там, чем черт не шутит, и саму жизнь. Ведь он прекрасно помнит, как было со старшим братом Ивана Дмитрием. Да, его, Никиту Романовича, даже включили в состав опекунского совета для проформы. Но заправляли всем Адашев и Сильвестр. Да Курбский еще к ним примыкал. Захарьиных же задвинули так далеко... Но нет худа без добра. Забыли все про Захарьиных, и про младшего брата Ивана, у них в доме воспитывающегося, тоже позабыли. А Дмитрий-то, царство ему небесное, недолго пожил. И вот тут-то уж Никита Романович своего не упустил. Список нового опекунского совета составлял сам. И вписал туда только своих. Никаких тебе Адашевых и Курбских. А дальше... Попа Сильвестра отправили в монастырь, с Адашевым покончили. Курбский, жаль, успел сбежать за пределы Руси. Боярство возропало. Боярская дума попробовала прижать Никиту Романовича, распустить существующий опекунский совет и создать новый. И вот тут-то Никита Романович и сделал ход конем. Царевич Иван пропал! Царский поезд выехал из Суздаля и исчез. И не объявился ни в стольном граде Ярославле, ни в Москве, ни где-либо еще. И так продолжалось почти целый месяц. Боярская дума была в недоумении и замешательстве. Государство не может существовать без главы. Если царевич Иван мертв, то нужно выкликать нового претендента на царство. А кого? Родного брата Иоанна Васильевича – Юрия? Так и он пропал вместе с царевичем Иваном. Двоюродного брата Иоанна Васильевича – князя Старицкого? А если законный царь Иоанн Иоаннович все-таки жив и вскорости объявится? Хуже нет, чем два царя на одном троне. Резни тогда не избежать...

Через месяц царевич Иван объявился. Остановился он в Александровской слободе, в путевом дворце своего деда. Об этом он известил боярскую думу своим письмом. А еще в этом письме царевич сообщал, что кладет опалу на все боярство. Бояре зачесали затылки – что бы это могло значить? Отречение? Нет, царевич Иван не сообщал, что отрекается от престола.

Тогда чего же он хочет? Государством руководить не хочет, бояр своих служилых отвергает, но и от престола не отрекается.

В этом и была вся соль задумки Никиты Романовича – поставить боярство в ситуацию, в которой ни они, бояре, ни их предки, да, впрочем, и никто другой где-либо на Земле никогда не был. Иван же направляет боярам новое письмо, в котором извещает, что все заботы о государстве он возлагает на боярскую думу. Сам же он в государственные дела не вмешивается, но и к себе лезть кому бы то ни было запрещает. А для кормления своего и своих избранных людей требует выделить ему опричный удел. Жребий, отруб, часть, опричь... Именно тогда впервые прозвучали столь громко эти слова.

Никита Романович встретился с выборными от боярства и согласовал состав этого опричного удела. А также бояре дали добро на личную царскую дружину в тысячу человек. С тех самых пор и возникло разделение государства на земщину и опричнину.

Задумка Никиты Романовича была хоть и оригинальна, но примитивна до безобразия. Спрятать подрастающего царевича ото всех, ограничить его контакты, воспитать в любви и приязни к роду Захарьиных. А подрастет царевич, венчается на царство – сделает любимого дядьку, так много для него сделавшего, первым боярином, фактическим канцлером. Тогда незачем будет ни от кого прятаться, вновь можно будет объединить государство и управлять им тогда беспрепятственно. Но то, что казалось таким ясным, когда мальчику было десять, через три-четыре года подернулось дымкой сомнений. Уже сейчас Никита Романович не мог контролировать Ивана на все сто процентов. Что же будет в семнадцать? А в двадцать? А в двадцать пять? Удастся ли сохранить достигнутое, когда в одно ухо молодому царю будет нашептывать жена, в другое – ближайшие друзья? Никита Романович был человеком неглупым и достаточно быстро увидел свой просчет. Нельзя устоять, опираясь лишь на одну опору. Необходима подстраховка.

Таковой, после долгой и обстоятельной беседы с одним из думных дьяков, представлялась текущая ситуация и Прозорову, и Валентину. Именно исходя из этого, они и подготовили предложение для Никиты Романовича.

– Ваше сиятельство... Никита Романович, – осторожно начал Валентин, – я уже говорил, что готов представлять ваши интересы в Ярославле. Это предложение поддерживает и Гурьян Гурьяныч. Так вот... Как вы посмотрите на то, чтобы исподволь начать переговоры с боярской думой? – Валентин кинул взгляд на боярина. Тот молчал, ожидая продолжения. – И говорить с ними не о составе опекунского совета и не о том, где царевичу свой стол держать. Его дело царское, где захочет, там свой престол и поставит. Хоть в стольном граде Ярославле, хоть в Суздале, хоть в Ростове, хоть в Москве, а хоть бы и в Александровской слободе. А прикажет быть Александровской слободе великим городом – так и тому быть. Об этом и говорить нечего. Говорить же мы предлагаем о ручательствах для вас лично. Как нам с Гурьян Гурьянычем видится, одним из таких ручательств могло бы стать введение вас в состав думы. Вас и ваших людей.

– Думаешь, согласишься? – спросил Никита Романович, и на этот раз по его лицу не скользнула даже тень усмешки.

– В думе сейчас заправляет всем князь Одоевский. А он товарищ Гурьян Гурьяныча. В его деле свою долю имеет. Не знали?

Никита Романович от великого удивления сделал брови домиком.

– Князь Одоевский? В торговле? Долю?

– Ну да. Но это только между нами... Да и к остальным боярам, как нам видится, подходец поискать можно.

Дальше свои карты Валентин решил не раскрывать, хотя сказать ему было что – ведь предварительный зондаж боярских настроений и пожеланий Прозоров провел весьма тщательно. В принципе бояре были готовы практически на любые уступки, лишь бы уничтожить

существующее разделение государства. И на включение в думу Никиты Романовича и его людей в том числе. Торговля шла лишь вокруг количества новых членов. И даже пересмотра состава опекунского совета они не требовали. На двух позициях твердо стояли бояре, не собираясь уступать ни пяди: Ливонская война должна быть продолжена до победного конца, а ересь жидовствующих не может быть легализована ни под каким соусом. Но эта информация сейчас для боярина Захарьина была явно избыточной. Пусть для начала заглотнет наживку, пусть сделает навстречу хотя бы шагочек.

Никита Романович покачал головой и проговорил с явным сожалением:

– Да, Михайла... Добрый из тебя посол получился. В корысти тебя заподозрить трудно. Ведь у Митряевых вкупе с Прозоровыми деньжат поболее будет, чем у всех членов боярской думы, вместе взятых. Чего же ты можешь еще желать для себя? Боярства? Так зачем оно тебе? Все, что нужно для жизни, у тебя есть, а боярство лишь хлопот прибавит – по первому царскому зову на коня садиться да меч в руки брать. Вот и получается, что нет в этом деле у тебя личной корысти. А раз так, значит, действительно болеешь ты лишь за государство. Ладно, Михайла... Потом как-нибудь продолжим. Ну что? Поглядел на тронную палату?

От столь резкого перехода Валентин аж глаза выпучил.

– П-поглядел... – слегка запинаясь, ответил он.

– Ну, пойдем. Я по делам, а тебе и отоспаться недурно было бы.

Они поднялись и пошли к дверям, и только уже у самых дверей Никита Романович обронил загадочную фразу, столь удивившую Валентина:

– Появиться бы тебе здесь года два-три назад...

«Что значат его слова? – гадал Валентин, уже попав в свою комнату и сбрасывая с себя одежду, чтобы улечься в постель. – Три года назад мое предложение было бы в самый раз, а ныне? Что, уже поздно? Почему? Ведь всем известно, что Никита Романович Захарьин здесь главный. Он вертит царевичем Иваном, он задумал проект под названием «Опричина», и он его осуществил. Все делается исключительно по его слову. Исключительно. По крайней мере, так считается. И вдруг он себя ведет так, будто ему приходится считаться еще с чьими-то интересами. Причем эти чьи-то интересы не просто отличны от его интересов, но и прямо противоположны им. Получается, он не главный? Или я просто тороплюсь и простую осторожность принимаю за нечто большее? Может быть, человеку просто нужно время, чтобы обдумать мои предложения?»

Заснуть ему тогда так и не удалось. Теснившиеся в голове мысли не дали. Единственное, до чего удалось додуматься, – это посконная народная мудрость: не все коту масленица. Столь удачный день, как день прибытия в слободу, иногда случается, но именно иногда. И то, когда основательно поработаешь месяцок-другой над тем, чтобы он стал таковым. Лимит чудес исчерпан на ближайшее время, но это вовсе не означает, что удача отвернулась от него. Необходимо терпеливо работать и готовить очередной удачный день. А для начала неплохо было бы обустроить свой быт.

Начали с переезда. В самую большую комнату из трех, выделенных им во дворце, перебрались Сила с Ерохой и двое мастеровых со своим немалым багажом, содержащим не только полный набор столярного и плотницкого, но и слесарного инструмента. Валентин и дон Альба переехали в комнату поменьше, а комнату для прислуги, самую маленькую, больше похожую на монашескую келью, заняли Юлька-гимнастка с Василисой.

Но стоило только завершить процесс, как тут же последовало первое нареkanie.

– На пару-тройку дней сойдет, а дальше надо что-то делать. Ну, в смысле переезжать куда-то, – заявила ему Василиса, когда Валентин зашел к женщинам поглядеть, как они устроились. – Нехорошо это, Михайла... Жить нам среди мужиков.

Валентину только оставалось выругаться про себя, помянув недобрым словом мораль и этику традиционного общества. На сколько же все-таки проще в постмодерне! А тут... Вчерашняя проститутка, блин, не может жить через стенку с мужиками, видите ли.

– Слушай, Василиса, а может, тебе действительно перебраться в этот... – начал он. – Ну, на женскую половину?

– В терем...

– Ну да, в терем.

– Ага, сейчас! – Освоившись в этой компании, Василиса уже ни с кем не церемонилась. И если считала необходимым «поучить уму-разуму» молодежь, то делала это без всяких там этико-воков. – Смерти моей захотел? Там «царица египетская» быстро меня на тот свет спровадит.

– Что еще за царица египетская? – удивился Валентин. – И почему она должна тебя на тот свет спроводить?

– Царицей египетской ее народ прозвал... За гордыню, спесь и небрежение к простому люду. Это – княжна Мария Черкасская в девичестве, а ныне вдова покойного царевича Дмитрия. Царевичев дядька, когда Дмитрий помер, договорился с ее родней обженить их с Иваном. Это когда тому пятнадцать стукнет. Так она и живет во дворце, как жила раньше. И все знают – вот она, будущая царица. Оно, конечно, нехорошо молодому царю на вдове жениться. Пусть даже на вдове брата, пусть и женитьба та была лишь по названию (слишком малы они были), все одно. Но Иванову дядьке другое важнее. Черкассские – род старинный и сильный. Вот он их поддержкой таким образом и заручился.

Похоже, Василиса за одну ночь, проведенную во дворце, узнала о здешней жизни больше, чем Валентин за целый месяц подготовки.

– А почему же египетской ее называют?

– Так ведь князья Черкассские потомки султанов египетских. Не знал? – На этот вопрос Валентину оставалось лишь пожать плечами. – Старший брат ее, Михаил – глава опричной думы, а она в тереме верховодит. Ты думаешь, если я ей в лапы попадусь, она поверит, что я Ивану лишь сказки на ночь сказываю? – Валентин вновь пожал плечами. – То-то же... А нрав у нее, говорят, как у тигры твоей. Уже не одну соперницу на небеса отправила. А я туда не тороплюсь. Мне еще охота своего сынка купцом ярославской купецкой гильдии увидеть. Так что в терем я не пойду.

– Ладно... – буркнул Валентин. – Решу. Не сегодня завтра. Ты лучше скажи, как у тебя успехи?

– Все хорошо, – с достоинством ответила Василиса. – Царевич и этой ночью ждет меня.

– Здорово! Ничего не рассказывал?

– Нет, не успел. – Василиса улыбнулась, словно рублем одарила, и вновь свернула на интересующую ее тему. – И еще, Михайла... Вчера меня в царские покои Сила с Ерофеем провожали. Не принято так. Следом за мной две женщины должны идти. Да и служанки нам с Юлькой не помешают. Так что думай, Михайла...

«Вот черт-дьявол! – мысленно воскликнул Валентин. – Служанок им, видишь ли, не хватает... Да Юлька только месяц назад, может быть, впервые досыта наелась, и уже подавай ей служанку». Но как бы ни возмущался Валентин, он был вынужден признать правоту Василисы. Вчера сгоряча, в суматохе, поднявшейся в их обозе после полученного от Никиты Романовича разрешения въехать в слободу, прислуга вместе с частью багажа была отправлена обратно в Ярославль. Зато, как выяснилось позже, в слободе зачем-то остались воловьи упряжки, тянувшие клетки с тигром и гепардами, а кроме них еще и пара повозок с походными котлами и свернутыми шатрами.

Вожатые диких кошек сразу же вместе с подарками перешли, слава богу, в дворцовое ведомство, и хоть одной головной болью у Валентина стало меньше. Силка же с Ерохой были

посланы вдогонку за обозом и через день уже вернулись и с багажом, и со слугами, а Валентин с доном Альбой за это время внимательно изучили слободскую территорию.

Сразу же за единственными крепостными воротами лежала площадь, ограниченная справа длинным двухэтажным каменным строением – казармой, а слева – новенькой неоштукатуренной церковью из темно-красного кирпича. Прямо же напротив ворот возвышался царский дворец. При пристальном взгляде на него создавалось впечатление, что зодчий, его возводивший, имел дело не менее чем с десятком заказчиков, тянувших в разные стороны похуже лебеда, рака и щуки, и старался потрафить вкусу каждого из них. Вне всякого сомнения, денег вбухано в сей дворец было немало, а на деле получилась совершенно невообразимая постройка бульдога с носорогом. Сзади ко дворцу примыкал обнесенный каменным забором старый парк, в гуще которого затерялся путевой дворец (скорее даже – охотничий домик) деда нынешнего царя.

А за дворцовой территорией и вплоть до самой крепостной стены протянулось несколько плотно застроенных улиц. Среди самых разнообразных по размерам и архитектуре, но явно обжитых, обнесенных заборами домов, выделялись три сруба, стоявших в самом дальнем углу, у стены, и похожих друг на друга как братья-близнецы. Были они незакончены, участки их не обнесены оградой, но никто не суетился возле них, спеша завершить работу к зиме.

Когда Валентин спросил у Никиты Романовича, что это за дома и может ли он занять один из них, чтобы поселить там своих людей, тот даже обрадовался.

– Занимай, конечно. А то стоят бесхозные, не приведи господь, еще пожар займется. Это купцы Строгановы для себя и своих людей ставили. А как получили жалованную грамоту, так и решили здесь никого не оставлять, а всем ехать на Уральский Камень. Так что занимай хоть все три.

Все три Валентину были ни к чему, а за один из домов его мастера взялись засучив рукава и через несколько дней довели его до ума. Теперь места хватало всем, и у Валентина появилась свобода выбора – в зависимости от ситуации можно было ночевать либо во дворцовых покоях, либо в «собственном» доме.

III

Нина Федоровна заперла дверь и нажала кнопку вызова лифта. Лифт у них был старенький, медленный, но зато чистый, что по нынешним временам явление достаточно редкое. Но заслуги в том ничьей не было. Просто так получилось. Дети у всех жильцов давно уже выросли, завели свои семьи и разъехались по разным московским районам. А в подъезде остались одни старики. Все примерно возраста Нины Федоровны. Может быть, чуть постарше. Дом их строил завод, и квартиры соответственно получали заводчане. Все тогда были молоды и счастливы. Счастливы ли? Да, пожалуй. Счастливы, потому что молоды, счастливы, потому что завод наконец-таки достроил этот долгожданный дом и квартиры получили все, кто только стоял в заводской очереди. Все... Или почти все... Сейчас это уже не имеет никакого значения. Сейчас и завода-то не осталось. Точнее, территория осталась, никуда не делась. И даже главный корпус сохранился. Взамен остальных построили коробку из стекла и металла, и теперь вместо завода – бизнес-центр. Может быть, так оно и должно быть, может быть, это правильно, но Нине Федоровне при воспоминании о родном заводе и его нынешней судьбе почему-то делалось грустно.

Нина Федоровна вышла из лифта на первом этаже. У них хороший подъезд, чистый. Но это опять же явление временное, пока живут все свои. Скоро начнут помирать старики, и наследники станут сдавать освободившиеся квартиры в наем. Достаточно одной такой квартиры – и все, прощай чистота в подъезде. Постепенно, одна за одной (достаточно быстро; ведь что такое десять – двадцать лет даже в масштабах человеческой жизни? Ничто. Один миг) квартиры будут освобождаться от прежних владельцев, и их подъезд очень скоро превратится из московского в кавказско-среднеазиатский. И от осознания этой необоримой жизненной тенденции ей тоже почему-то делалось грустно и тоскливо. Казалось бы, какое ей дело до того, что будет после нее? Ан нет... Скребнут почему-то кошки на душе.

Нина Федоровна вышла на улицу и невольно поежилась. Не от холода, нет. От хмурого осеннего неба, от влажных черных деревьев, от облетевшей желтой листвы, яркими кляксами прилипшей к мокрому асфальту. Поздняя осень. Вот-вот полетят из свинцовых пузатых туч белые мухи.

– Здравствуй, Федоровна. В булочную собралась?

Это Зина с третьего этажа. Работала в технологическом отделе. Вот уже сорок лет, как Нина Федоровна с ней чуть ли не ежедневно здоровается. Говорит она по-московски – «булочная». Так теперь и не говорит никто, да и булочных уже не осталось.

– Здравствуй, здравствуй... Нет, в собес. Пенсию пересчитывать.

Нина Федоровна знала, что нынче эта контора называется как-то иначе – длинно и вычурно, но не считала для себя нужным запоминать подобные идиотизмы. А собес – он и в Африке собес.

Соседка хмыкнула.

– Ну, удачи тебе. Вязание с собой взяла?

Нина Федоровна похлопала рукой по сумке.

– Книжку. Главное – стул свободный занять, а ждать я готова хоть до морковкина загонья.

Нина Федоровна вышла из своего двора не торопясь, спокойно дошла до остановки. Ждать практически не пришлось. Восемьдесят второй автобус, которого порой можно прождать и полчаса, подъехал к остановке одновременно с нею. Она поднялась в салон через переднюю дверь, прошла через турникет валидатора и сразу же села на свободное место. Наряду в салоне было немного, да и вслед за ней поднялось человека четыре, не больше.

Какое-то время, остановки две-три, она по инерции предавалась грустным раздумьям о бренности бытия и тщете человеческих дел и усилий, нахлынувшим на нее сегодня почему-

то с раннего утра, но в определенный момент вдруг ощутила затылком чей-то пристальный взгляд. Нина Федоровна не оборачивалась, ей это было не нужно. Это перенасыщенным гормонами молодым и скатывающимся в шизофрению старушкам все кажется, что за ними кто-то наблюдает. Ей же не казалось, она знала. Ведь уж в чем, в чем, а в области сверхчувствительности она была профессионалом. Она чувствовала, что смотрит на нее мужчина. Молодой, лет тридцати – тридцати пяти.

Народу в салоне становилось все больше, держать ее постоянно в поле зрения, видимо, становилось все труднее, ибо угол падения этого взгляда время от времени менялся, а порой взгляд и вовсе ненадолго пропадал.

Установить факт слежки, провериться, вычислить следящего, тем более с ее-то способностями, труда для нее не представляло. Ведь недаром она проработала пять лет в 1-м ГУ КГБ СССР, ныне именуемом «внешняя разведка». Была она, конечно, не на оперативной работе, но с азами знакома не понаслышке. Да и потом, уже в лобовской фирме, о безопасности помнить приходилось постоянно. И хотела бы забыть, да Лобов не позволял.

Нина Федоровна поднялась со своего места и протиснулась к средней двери. Автобус остановился, открылись средняя и задняя двери. Она исхитрилась пропустить всех желающих и последней стала спускаться сама. Но в критический момент, уже опустив одну ногу на асфальт, вдруг передумала и резко поднялась в салон. Водитель, с раздражением наблюдавший за чокнутой теткой, застрявшей в средних дверях, тут же двери захлопнул, едва она прыгнула внутрь салона. Нина Федоровна с улыбкой наблюдала, как на остановке засуетился молодой человек в кожаной куртке, только что вышедший из автобуса. Средняя и задняя дверь были закрыты, и он бросился к передней, через которую сейчас проходила посадка. Он уже поднялся на нижнюю ступеньку, когда Нина Федоровна нажала кнопку звонка. Водитель, проклиная на плохом русском сумасшедшую старуху, толком не знающую, что же ей нужно, открыл среднюю дверь. Нина Федоровна совсем по-молодому сбежала вниз. Двери захлопнулись, и автобус наконец отъехал от остановки.

Нина Федоровна стояла и, улыбаясь, в упор рассматривала молодого человека, в последний момент успевшего соскочить с подножки. Тот смутился, резко развернулся и быстрым шагом зашагал прочь, свернув в первый же проулок. После этого улыбка исчезла с ее лица, и она направилась к подъезду собеса. Это слежка. Знать бы еще – чья. Неплохо было бы также определить, почему она появилась. Молодого человека она конечно же смутила и, может быть, даже слегка испугала, но это баловство, не более того. В самом же факте слежки ничего хорошего нет. Значит, где-то они прокололись. Слава богу, с Лобовым она не контактировала с тех самых пор, когда они съехали с «Микродвигателя». А слежка появилась недавно, это точно. Не может такого быть, чтобы ее «водили» уже больше месяца, а она почувствовала это только сегодня. На Лобова, значит, они через нее выйти не могли. И на том спасибо. Хоть один отрадный момент обнаружился за все сегодняшнее отвратительное утро.

Нина Федоровна поднялась на второй этаж, нашла нужный кабинет и, заняв очередь, уселась на свободный стул. Ожидая своей очереди, она уже успела и книжку почитать, и все свои дела за последний год в памяти восстановить (в поисках возможного «прокола»), и провериться не единожды. Нет, в самом собесе ее не «пасли». Ждали, видимо, снаружи. Очередь ее продвигалась, но не так быстро, как хотелось бы. Просидеть здесь ей придется еще не меньше часа-полтора. Она было вновь взялась за свою книгу, но тут ее взгляд упал на идущую по коридору собеса женщину. «Так это же Галка Сорокина! – мысленно воскликнула она. – Хотя Сорокина – это ее девичья фамилия. Ее в школе еще дразнили – Сорока Галкина. А по мужу она... Пудовалова, вот!»

– Галя! – позвала она идущую к выходу женщину.

С Галкой они дружили еще со школы, потом на несколько лет потеряли друг друга из виду, но, будучи уже замужними, вновь восстановили отношения и дружили семьями. А когда

Нина Федоровна начала работать на разведку, как-то само собой получилось, что все ее прежние контакты отпали и были утеряны. Так что с Галиной Сорокиной-Пудоваловой они не виделись лет двадцать пять.

– Нина! – радостно воскликнула та и полезла обниматься.

Тут как раз рядом с Ниной Федоровной освободилось место, и Галина плюхнулось на него...

За последние двадцать пять лет и у той, и у другой подобрались новости, которыми можно было бы поделиться, но минут через пять Галина глянула на часы, ахнула и заявила:

– Ниночка, опаздываю! Знаешь что... Приходи ко мне завтра. – Она достала из сумочки очки, ручку и нацарапала на листке адрес. – Вот, я теперь здесь живу. Придешь?

А почему бы и не сходить? Тем более что, памятуя об утренней слежке, этот контакт может быть ей полезен.

– Приду, Галя. Только... Каким ветром тебя в Мытищи-то занесло? И что ты тогда в нашем собесе делаешь?

– Ой, не спрашивай, долгая история. Приходи завтра в двенадцать, тогда все и расскажу.

Нина Федоровна подумала, прикинула, что ей может понадобится время для отрыва от слежки, и предложила:

– В двенадцать не успею. Давай в два.

На том и порешили. Галина убежала по своим делам, а Нина Федоровна осталась дожидаться своей очереди.

Из собеса она вышла, когда на улице уже начало смеркаться. Фонари еще не зажглись, и Нина Федоровна с ее далеко не идеальным зрением вряд ли удалось бы разглядеть – идет за ней кто-нибудь или нет. Но ей и не нужно было видеть «топтуна», идущего за ней. Теперь, когда она была начеку, слежку она почувствовала, едва только вышла на улицу. Больше она не устраивала своим «опекунам» никаких фокусов и спокойно доехала домой. Вели ее до самого подъезда.

Утром проснулась в боевом, приподнятом настроении. Сегодня она собиралась натянуть нос неизвестным противникам, устроившим за ней наблюдение. Демонстрировать свои умения она пока не хотела, поэтому отрываться от слежки ей предстояло, используя традиционные методы.

Нина Федоровна не спеша позавтракала и, оставив дома свой мобильник, вышла на улицу. Так и есть. В одной из машин, припаркованных у соседнего подъезда, сидят двое. Никак не демонстрируя свою осведомленность о слежке, она села на маршрутку и доехала до метро. Один из филеров спустился за нею вниз.

Нина Федоровна доехала до пересадочной станции и перешла на другую линию. Теперь за ней следил другой филер, не тот, что вчера. Был он спокоен и расслаблен и, похоже, не ожидал никаких сюрпризов от едва ковыляющей бабки. Нина Федоровна сделала еще одну пересадку и во время посадки в вагон вышла перед самым закрытием дверей. Ее преследователь поехал дальше, а она осталась на перроне. Она еще покаталась с часок, переходя с линии на линию, и отправилась в гости.

Галина Пудовалова обитала в однокомнатной квартире в пятнадцати минутах езды от станции метро Медведково. Встретила она Нину Федоровну радушно и по-молодому эмоционально, словно им по-прежнему семнадцать, а не шестьдесят пять. Подруги всласть попили чайку и даже позволили себе по рюмочке-другой клюквенного ликера назло всем своим болячкам. Галина охотно и подробно рассказывала о семье своего сына, и особенно о любимом внуке Шурике. Шурик был для нее прямо-таки свет в окошке. Для него она была готова на все, из-за него же, кстати, и жила ныне в подмосковных Мытищах. Прописана-то она оставалась в Москве, в своей старой трехкомнатной квартире, в которой в былые годы Нине Федоровне довелось неоднократно бывать. Мытищинская же однушка была куплена для Шурика на сред-

ства, взятые в кредит. Этот самый кредит теперь и гасился деньгами, получаемыми от сдачи в наем Галининой московской квартиры. О дочери Галина говорила меньше, да оно и понятно – жила та теперь в Канаде. Встречи с ней и ее семьей были крайне редки, а внуки так и вовсе выросли какими-то чужими и непонятными.

Хорошо, что Галина была женщиной общительной и словоохотливой, длительных пауз не любила и готова была трещать без умолку, ибо Нине Федоровне, в отличие от нее, рассказывать о себе было практически нечего. О работе своей она говорить не могла, вот и приходилось, мягко говоря, фантазировать. Дома ей не сидится в одиночестве, поэтому на заводе «Микродвигатель», в одной из коммерческих контор, нашла себе работу по силам. Убирается в помещениях и кормит сотрудников конторы. Платят не очень много, но ей хватает, а если вместе с пенсией считать, то можно позволить себе и кое-какие излишества. В этом году осуществила свою давнюю мечту – прокатилась от Москвы до Владивостока на поезде, а в прошлом – провела почти целый месяц в санатории под Минском.

Но немногословие подружки совершенно не смущало Галину, и она вновь охотно взяла инициативу в свои руки:

– Слушай, Нин... По молодости вроде у тебя способности были...

– Какие еще способности? О чем это ты говоришь? – Нина Федоровна сразу и не сообщила, о чем завела речь ее подружка.

– Ну, помнишь, мы гаданием занимались... Ну, когда еще незамужними были... И ты тогда Аньке Басовой парня приворожила. Помнишь? Кстати, моего Толика тоже ты мне нагадала. Ты еще тогда рассказывала, что дар ясновидения тебе бабка передала. Помнишь?

Нина Федоровна покачала головой и грустно улыбнулась. Ах, молодость, молодость... Каких только чудачеств и глупостей не наделаешь за эти короткие и прекрасные годы! Она действительно вспомнила. Было такое. В их девчачьей компашке она считалась кем-то вроде доброй колдуньи. Вернее, девки-подружки так считали, а она старалась поддерживать этот неожиданным образом возникший имидж. Началось же все с обычной поездки к бабушке в деревню, в Калужскую область. Когда они с матерью приехали туда на пару дней, бабушка лежала. Прихворнула немножко по-стариковски. Ночью, когда мать уже крепко заснула, бабушка подняла Нину.

– Мне, – говорит, – Нина, помирать скоро.

Бабушка выглядела как обычно, и это ее заявление, так же как неожиданная сегодняшняя хворь, казалось не очень удачной шуткой.

– Это ты, бабушка, брось, – замахала на нее руками Нина, – ты еще лет сто проживешь.

– Тсс... – Бабушка приложила указательный палец к губам. – Мать разбудишь... Нет, Нина, я тебе точно говорю. Мне совсем немного осталось, я чувствую.

И на этот раз Нина ей поверила безоговорочно. Уж больно серьезное лицо у нее было в этот момент.

– Может, я что-то могу для тебя сделать, а, бабуля? – забеспокоилась шестнадцатилетняя Нина.

– Можешь, – абсолютно серьезно сказала бабка. – Я, Нинуль, ведьма. И умирать я буду долго и мучительно. Страшно буду умирать. Потому как заменить меня некому. Последняя ведьма в роду – я. Не обучила никого себе на смену. Мать твоя наотрез отказалась ведьминскому ремеслу учиться, а потом и вовсе в город подалась. Я все надеялась, что ты подрастешь до такого возраста, когда с тобой говорить серьезно можно будет. Чтобы ты, значит, о разговоре нашем матери ничего не сказала. А как мы договорились бы, стала бы ты ко мне на каникулы приезжать да подольше задерживаться... А закончила бы школу – и пожила бы у меня с полгодика-годик. Глядишь, я бы тебя всему, что сама знаю, и научила.

– Я согласна, бабушка, – зашептала шестнадцатилетняя комсомолка, – учи меня. А маме я ничего не скажу.

– Поздно, Нинуля, поздно. Смерть уже близко. Научить я тебя ничему уже не успею, но помочь мне ты все-таки можешь.

– Как, бабуля? Как тебе помочь?

– Дар ведьминский перенять. – Сказав это, бабка пристальным испытующим взглядом вперилась в Нину.

– Конечно, бабуля, конечно, – заторопилась Нина. – Я готова. Что нужно делать?

– Ничего не нужно, – спокойно ответила бабка. – Руки дай...

– Вот... – Нина протянула к ней свои тоненькие девчачьи руки.

– Но, Нинка, смотри... – неожиданно бабушка заговорила строго, даже грозно. – Дар этот не игрушка. Ты должна будешь тоже передать его вместе со всеми знаниями и умениями, которые накопишь, девочке из твоего рода либо сиротке, которую ты воспитаешь. Понятно?

– Понятно...

– Давай руки.

Бабушка стиснула ее ладошки своими натруженными, грубыми руками. Нина почувствовала, как тепло заструилось через ее ладони. Ее затрясло, как от озноба, и она потеряла сознание.

Утром она проснулась как ни в чем не бывало и даже не сразу вспомнила о ночном разговоре. Весь день они с матерью толклись на огороде, сажая картошку, а вечером уехали в Москву. А через три дня им принесли домой телеграмму, в которой сообщалось о бабушкиной смерти.

Какое-то время Нина не чувствовала ничего необычного, но где-то через полгода (они тогда уже были в выпускном классе) во время девчачьих посиделок у кого-то на квартире речь зашла о будущем и о мальчиках. И кто-то из девчонок предложил погадать. Вот тогда-то, во время этого гадания, Нина и почувствовала, что обладает некой силой.

В оставшееся до выпускного время она изображала из себя гадалку и предсказательницу, что немало способствовало подъему ее авторитета среди подруг. Школа сменилась заводом, потом было замужество, рождение сына, и о бабкином даре Нина как-то подзабыла. Если он и проявлялся, то только в делах семейных. Нина Федоровна всегда знала в каждый конкретный момент, где находятся ее муж и сын и чем они занимаются. Обманывать ее было бесполезно, да они после нескольких неудачных попыток и не пробовали.

А потом ее поставили контролером на сварочный участок. И тут, на беду местным халтурщикам и бракоделам, оказалось, что дефекты в сварочном шве она чувствует лучше, чем магнитный дефектоскоп. Прибор говорит «хорошо», а Нина Федоровна – «плохо». А продукция их все-таки в космос летала. Здесь, если есть хотя бы малейшие сомнения, никто не заставит принять брак. Скандал вышел огромный. Привезли новейший сверхчувствительный французский дефектоскоп, и он подтвердил – Нина Федоровна права.

Через несколько месяцев после этого случая ее вызвали в партком. К ее огромному изумлению, ожидал ее там совершенно незнакомый человек по фамилии Ракитин. С этой вот встречи и началась ее работа в разведке.

Покачав головой, Нина Федоровна вновь улыбнулась.

– Ой, Галя, это же было детство. Мне нравилось изображать из себя добрую фею, а вы это поддерживали, подыгрывали мне.

– Нет, Нина, ты не говори. И Анька Басова получила парня, которого желала, да и мой Толик... А твой рассказ про бабку-ведьму... Это тоже была игра?

– Ну да...

– Жаль... – Галина была расстроена и даже не думала скрывать это.

– Да в чем дело-то? – удивилась Нина Федоровна. – Что у тебя приключилось?

– Понимаешь... Шурик, внук мой... Он влюбился.

– Сколько ему лет?

– Двадцать второй...

– Ну и здорово. А когда же еще влюбляться, если не в двадцать два?

– Ты не понимаешь, Нина... Все не так просто. Ведь сейчас такие времена... Все эти миллионеры, олигархи... В наши времена такого не было. А Шурик влюбился в директрису фирмы, в которой он сейчас работает. А она – кру-та-я, как нынче говорят. Понимаешь? Она даже и не подозревает о его существовании, а он страдает. Боже мой, Нина, как страдает мальчик... Он за последние два месяца на восемь килограммов похудел! Нет, в наше время такого и в помине не было! И быть не могло!

– Не говори, Галка, – возразила Нина Федоровна. – Если бы твой Толик был не сыном простого советского инженера, а мажором, у которого папа в ЦК заседает, он бы тоже в нашу с тобой сторону и головы не повернул. И никакие привороты не помогли бы...

– А Толик и не смотрел в мою сторону, пока ты не наворожила, – уверенно заявила Галина. – Вот я и прошу тебя, Нина, помоги моему Шурику.

– Прямо и не знаю, Галка... – Нина Федоровна всплеснула руками. – Никогда я ничем таким не занималась. Не умею я этого, понимаешь? Кривлялась тогда в детстве перед вами, дурочками... Может быть, тебе, Галка, лучше к настоящим колдунам-магам обратиться? Вон... В каждой газете их объявления.

– Мошенники они все. Если и есть кто нормальный, то как его определишь? Потому и прошу тебя.

Отказываясь, Нина Федоровна несколько не кокетничала. Она действительно никогда не занималась ничем подобным. Разве что в юности... Но тогда это было кривляньем чистой воды. А привороженные мужья, о которых все твердит Галка, – это, скорее всего, обычное совпадение. Конечно, если бы бабушка обучила ее в свое время... Но та не успела ее ничему обучить: ни обрядам, ни каким-либо заклинаниям, ни прочим ведьминским методам и инструментам. Она лишь передала ей свой дар. И похоже, что именно благодаря этому дару Нина Федоровна сегодня умудряется проникать в сознание любого человека и манипулировать им, как ей заблагорассудится. Она бы и с Галкиной просьбой справилась шутя, будь она рядом с Лобовым, могущим ввести ее в соответствующее измененное состояние сознания. Но Лобова нет рядом. И это-то и есть главная причина, по которой она здесь находится. Поначалу Нина Федоровна думала воспользоваться Галкиным домашним телефоном и оставить Лобову сообщение об обстоятельствах, в которые она попала. Но уже здесь, слегка поразмыслив, решила все-таки этого не делать. Вдруг это игра, вдруг ей лишь кажется, что она освободилась от слежки... Но тогда она может подставить Лобова. Нет, она не будет ему звонить. Она дождется, пока тот, кто устроил эту слежку, как-то проявит себя. А уж там будет видно.

– Ладно, Галка, – согласилась Нина Федоровна, – давай попробуем. Но я тебе честно говорю: я этого не умею. Так что делать будем вместе. Совместными усилиями, значит. Фотография его у тебя есть?

– Конечно, конечно, Ниночка, – захлопотала обрадовавшаяся Галка. – Конечно, вместе... Конечно, есть.

Перед Ниной Федоровной легли на стол две фотографии. На одной – поясной портрет молодого человека. На второй – выходящая из черного лимузина женщина. Второй снимок – явно любительский, и сделан он исподтишка, без согласия изображенной на нем женщины. Нина Федоровна поводила над ними ладонью. Шурик Пудовалов – хороший, чистый мальчик. В меру ленив, но добр. Не семи пядей во лбу, зато честен и по возможности исполнитель. Без черных помыслов и устремлений. Чего не скажешь о соседствующей с ним особе. Такая бешеная жажда власти, что у Нины Федоровны даже ладонь зацепало. Двадцать восемь – двадцать девять лет, умна, целеустремленна, неразборчива в средствах, буквально помешана на деньгах и своей карьере. Вернее, прежде всего на карьере и власти, а уж деньги для нее так...

Прилагательное. И еще... Что-то еще почувствовала Нина Федоровна, сканируя эту фотографию. Она потеряла ладони друг о друга и встряхнула их.

– Ниночка, может, тебе понадобятся какие-нибудь аксессуары? – спросила у нее Галка. – У меня кое-что есть.

Этих слов подруги Нина Федоровна даже и не расслышала. Уж больно ее заинтересовало фото женщины. От нее, от этой женщины, образно выражаясь, буквально разило рыбасоидным духом. Фотографии рыбасоидов она сканировала и до того. У Лобова в компьютере их целый серпентариум. Распечатывай фото – и вперед. Скан, снятый ее ладонью с фото рыбасоида, однозначно отличался от человеческого. Это было как с аурой – и захочешь, не перепутаешь. А вот с этой девушкой было все гораздо сложнее. Она – человек, безусловно, но человек очень близкий к рыбасоидам.

Точнее она сказать не могла. Информация была где-то рядом, вилась вокруг нее назойливой мухой, но все никак не давалась. Состояние было не то. Нине Федоровне все никак не удавалось настроиться на нужную волну. Она вновь потрясла кистями рук, потом потеряла их о свою юбку, буркнув в сердцах:

– Не получается, черт...

– Ничего, Ниночка, сейчас все у тебя получится, – успокоила ее подруга. – Сейчас я все подготовлю...

На столе перед Ниной Федоровной появилось несколько небольших высохших веточек и целая связка церковных свечей.

– Что это? Гармала? Откуда она у тебя? – удивилась Нина Федоровна.

– Купила в магазине. Специально для этого случая. Есть такой магазин «Все для магии и колдовства».

На заре слиперства Ракитин и Лобов, чтобы достичь необходимого им измененного состояния сознания слипера, пробовали применять традиционные «ведьминские» средства и методы. С веточками гармалы Нина Федоровна познакомилась именно в те времена. Тогда же они пробовали применять и порошки из высушенных ядовитых грибов, и кое-что еще.

Неожиданно в прихожей требовательно и тревожно прозвенел звонок. Нина Федоровна сразу же напряглась – хозяйка явно никого не ожидала, для нее этот визит был сюрпризом. Галина переглянулась с Ниной Федоровной и пошла открывать дверь. Вслед за звуком отпираемой двери из прихожей донеслось:

– Здравствуй, ба. Я картошку тебе притащил.

– Здравствуй, Шурик. С чего ты взял, что мне нужна картошка?

– Отец сказал. Завези, говорит, бабушке килограммов десять картошки, чтобы ей тяжести не таскать. Вот я и притащил.

– Молодец, спасибо тебе. Отнеси на кухню и ступай по своим делам. Мне сейчас некогда, гости у меня.

– Какие у тебя гости, а, ба? – заинтересовался внук. Он заглянул в комнату и встретился взглядами с Ниной Федоровной.

– Здравсьте, – смущенно буркнул он, входя внутрь. – Я – Саша, можно Шурик.

– А я – Нина Федоровна. – Она протянула Шурику руку, которую он с готовностью пожал. – Ну... Что за беда у тебя, Шурик? Рассказывай.

– Да нет никакой беды, – явно засмущавшись, он пожал плечами. – С чего вы взяли? Это бабушка выдумывает.

– Ничего я не выдумываю, – тут же встряла в разговор его бабка. – Вон иссох весь... А эта баба бессовестная на тебя ноль внимания. Хорошо, что ты пришел. Все, что ни делается, все к лучшему. Сейчас Нина Федоровна проведет обряд и освободит тебя от этой привязанности!

– Нет! – вскричал Шурик. – Не надо меня ни от чего освобождать!

– Постой, постой, Галина, – опешила Нина Федоровна, – Я поняла так, что ты хочешь обратить любовь этой женщины на Шурика. Теперь же...

– Да, да! – обрадовался Шурик. – Именно так и надо поступить!

– Шурик! – строго сказала бабка. – Иди домой, мы сами тут разберемся, что нам делать.

– Ну уж дудки! – возразил молодой человек. – Вы, значит, тут мою судьбу решать будете, а я – пойди погуляй!

– Шурик, ты ведешь себя непристойно! – попробовала призвать внука к порядку бабка.

Спор их грозил затянуться, и Нина Федоровна решила выступить в роли судьи на ринге, а именно – развести стороны по углам.

– Стоп, стоп, стоп! Перестаньте пререкаться! Не о чем еще спорить! Галина Дмитриевна, Шурик, хочу еще раз напомнить вам, что колдовать, насылать порчу, привораживать, отвораживать я не умею!

Услышав это, Шурик тотчас же расслабился и, довольно улыбаясь, поинтересовался:

– Так о чем речь тогда?

Нина Федоровна улыбнулась ему в ответ.

– И я о том же. Но твоя бабушка меня уверяет, что в юности у меня кое-что получалось. Я, правда, этого не помню, но... Мне и самой стало интересно. Поэтому давай сначала поэкспериментируем, а если у нас сообще будет что-то получаться – тогда и решим, что нам делать. Согласен?

– Согласен, – дал свое «добро» Шурик.

Тут уж заулыбалась и Галина, почему-то решив, что ее подруга просто провела простодушного мальчишку. Нина Федоровна же почти не лукавила. Дамочка на фотографии ее так заинтересовала, что она решила получить о ней как можно больше информации тем или иным способом. Любовные проблемы Шурика были для нее на сто двадцать первом месте.

– Галя, дай-ка несколько блюдечек под свечи, – попросила Нина Федоровна, раскрывая пачку свечей и зажигая две из них. – Шурик, как ее зовут? – Она кивнула на фото.

– Маслова Ирина Борисовна, директор фирмы «Военспецсервис».

– Ты там же работаешь?

– Угу. Курьером.

– Чем фирма занимается?

– Ну... Я не очень хорошо знаю, я там всего лишь третий месяц работаю. А так... Бытовым обслуживанием военных частей. Клининг, уборка, значит, стирка, готовка... Может быть, чем-то еще. Не знаю...

– По всей стране? – Она подожгла веточку гармалы и, дав ей разгореться, загасила ее. Веточка обильно задымила, и Нина Федоровна положила ее на блюдце рядом с собой.

– Угу, – подтвердил Шурик.

Нина Федоровна вновь простерла свою ладонь над фотографией женщины. Прикрыв глаза, она несколько раз глубоко вдохнула дым, поднимающийся от тлеющей веточки. Конечно, добиться полного освобождения сознания от тела, как при использовании лобовской методики, комбинирующей гипнотическое погружение в сон и воздействие на слипера разнонаправленных магнитных полей, ей не удастся, но и дистанционное зондирование этой дамочки может дать интересный результат.

Так она и сидела, сохраняя неподвижность в течение нескольких минут, пока Галина Дмитриевна вполголоса не окликнула ее:

– Нина...

Нина Федоровна слегка тряхнула головой и, открыв глаза, обернулась к Шурику.

– По интересующему тебя вопросу могу сказать следующее: женщина эта официально не замужем, но живет с одним мужчиной... Как это у вас теперь называется?... Гражданский брак, вот.

– Кто он, можете сказать? – перебил ее нетерпеливый Шурик.

– Я видела его лицо, но фамилии не знаю. Его частенько показывают в новостях. Но есть еще и второй.

– Фу, гадость, какая! Жить одновременно с двумя мужчинами! – эмоционально воскликнула Галина. – Шурик, зачем тебе эта падшая женщина?!

Но Шурик никак не прореагировал на сакраментальный возглас бабки. Он увлеченно тыкал пальцем в свой коммуникатор.

– Этот? – Он развернул коммуникатор экраном к Нине Федоровне.

– Нет. – Она отрицательно покачала головой.

– Этот? – Шурик предъявил новую картинку.

– Нет.

– Этот?

– Точно. Он самый, гражданский муж твоей Масловой.

– Это министр обороны, – пояснил Шурик. – Тузов Леонид Семенович.

– Шурик, ну как можно любить эту женщину? – вновь возопила бабка.

– Понятное дело. – Не обращая никакого внимания на свою подругу, Нина Федоровна попытожила эту часть разговора. – Он – министр обороны, она кормит и обстирывает армию. Семейный подряд. – Шутки шутками, но не такого результата она ожидала. Этот Тузов был человеком, а она ожидала увидеть рыбасоида. Да, от него тоже изрядно пованивало рыбасоидным духом. Но ведь он министр, и это все объясняет. Редко кто в наших верхах обходится без тесных контактов с рыбасоидами. И все же он человек, а Нина Федоровна чувствовала, что рядом с этой женщиной есть рыбасоид. И немалого калибра. Но увидеть его не смогла. – Но он не один, Шурик. У нее есть еще кто-то. Сейчас я постараюсь рассмотреть его повнимательнее.

Галина уже не протестовала против такого неправильного чувства своего внука, она лишь молча глядела, как он сидит, понутив голову. Нина же Федоровна, поменяв свечи и надышавшись гармалы, вновь попробовала войти в транс. Конечно, это было совсем не то же самое, что путешествие с помощью Лобова по своему бесконечному коридору с множеством дверей. В этом случае она всегда знала, за какой дверью находится ее клиент. Она входила внутрь и могла наблюдать со стороны, а могла и проникнуть клиенту в голову. Проникнув же в мозг, могла считать хранящуюся в памяти информацию, а могла и заставить клиента выполнять ее команды. Теперь же она лишь установила дистанционный ментальный контакт с этой женщиной и могла только пассивно наблюдать за тем, какие картинки ей «покажут». Она, правда, попыталась сделать некий волевой посыл в сторону своего контрагента, но этого, судя по результату, оказалось недостаточно.

Во второй попытке Нина Федоровна решила поменять тактику. Она не стала пассивно наблюдать за калейдоскопом картинок, идущим ей от контрагента, а потребовала: «Покажи мне своего мужчину! – и сразу же стала получать картинки с Тузовым. – Нет, не его. Другого покажи!» В ответ она увидела неясные, туманные очертания мужской фигуры. Нина Федоровна ждала, и изображение делалось все резче, контрастнее, и ей уже казалось, что этого человека она где-то видела. Но вот он дернулся, как от удара, повернулся к ней анфас, и Нина Федоровна сразу же узнала его. «Ведь это же сам Рыбас!» – мысленно воскликнула она, и тут же картинка исчезла, мгновенно свернувшись в яркую точку. А через секунду погасла и точка. Нина Федоровна погрузилась в крошечный мрак и тут же почувствовала удар, сотрясший все ее молодое тело.

Сначала Шурик не понял, что происходит с их гостьей. Она вдруг сгорбилась, вся как-то съежилась, руки ее безвольно съехали со стола и плетями повисли вдоль тела, а потом она начала заваливаться вбок.

– Шурик! Держи ее! – крикнула бабка и вскочила со своего места.

Но Шурик уже схватил Нину Федоровну за плечи. Она была вся мягкая, словно без костей, и вытекала из рук, как кисель. Шурик подхватил ее одной рукой под спину, а второй под коленки, и переложил на стоящий рядом диван. Бабка была уже тут как тут. Схватив гостью за запястье, она пыталась нащупать пульс.

– «Скорую», Шурик, скорее! – крикнула она.

Шурик схватился за коммуникатор.

– Алло, «скорая»?! Тут женщине плохо...

– Без сознания, скажи, – подсказывала ему бабка. – Инфаркт или инсульт.

Но Шурик недолго общался с оператором «скорой». Стоило ему дойти до адреса, как он услышал в ответ:

– Мы в Мытищи не выезжаем. Звоните в свою «скорую».

– Ба, они не ездят в Мытищи...

– Да не по своему, Шурик... Звони с домашнего! Там листок с номером... Под аппаратом лежит.

«Скорая» приехала через полчаса. За это время Нина Федоровна в себя так и не пришла.

– Инсульт, – провозгласил молодой доктор, осмотрев больную. – Похоже... Мы ее госпитализируем. Иваныч, сходи за носилками, – обратился он к немолодому фельдшеру.

Недовольно кряхтя, тот поднялся со стула и вышел из квартиры, доктор же попросил:

– Давайте ее полис и паспорт.

Галина Дмитриевна бросилась к сумке больной. И паспорт, и полис она обнаружила там без особого труда и подала их доктору. Тот раскрыл книжечку паспорта, полистал ее и недовольно бросил:

– Что же вы нас вызывали... Она не наша.

– Как не ваша, доктор? – удивилась хозяйка дома. – Что это значит?

– А то и значит, что она московская. В Москве прописана. Вот из Москвы «скорую» и вызывайте, чтобы они ее в московскую больницу везли.

– Доктор, но из Москвы «скорая» не едет в Мытищи! – с отчаянием воскликнула Галина Дмитриевна.

Тут в комнате появился фельдшер с носилками-тележкой и принялся раскладывать их.

– погоди раскладывать, Иваныч, – остановил его доктор. – Она не наша. Мы ее забирать не будем.

Но тут не выдержал Шурик, до сих пор молчаливо взиравший на происходящее.

– Слушай, ты... – То, что его ровесник оказался таким бесчеловечным формалистом, взбесило его. Шурик был готов буквально разорвать доктора на части. Вряд ли после столь энергичного правдоискательства больная была бы госпитализирована, но положение спасла Галина Дмитриевна, успевшая за то мгновение, в течение которого и возник конфликт, куда-то сбегать и вернуться обратно.

– Вот... Возьмите, доктор, я умоляю вас. Если вы сейчас уедете, она умрет. – И она положила на стол перед доктором тысячу рублей.

– Не умрет, я ей укол сделал. Что это такое? Зачем вы?... Не надо... – К деньгам он не прикоснулся, но и со стула не поднялся. – Да поймите вы, в конце концов!.. У нас ее просто не примут ни в одной больнице!

Галине Дмитриевне оставалось лишь повторить свою просьбу:

– Я вас умоляю, доктор...

Доктор же лишь переводил растерянный взгляд с больной на хозяйку. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, но тут подал голос фельдшер, продолжавший все это время держать носилки полураскрытыми:

– Олег, забираем... Я знаю, где ее возьмут. – И тут же принялся разворачивать носилки.

Доктор взял тысячу и, поднявшись со стула, спрятал ее в карман штанов.

Но тут запротестовала Галина:

– Эй, эй, эй, погодите! Нам совершенно не нужно, чтобы вы ее сплавляли куда ни попадя!

– Одевайся, мать, с нами поедешь. Увидишь все своими глазами. Не беспокойся, все будет в лучшем виде, – успокоил ее фельдшер.

Мужчины втроем подняли больную, переложили ее на носилки-каталку и покатали к грузовому лифту. Галине Дмитриевне оставалось лишь спешно одеться, запереть квартиру и последовать за ними.

IV

Иван с первых дней пребывания земского посольства в слободе прямо-таки «прилип» к Валентину, проводя с ним дни напролет. Прежние Ивановы любимцы братья Басмановы и Федька Романов ревновали бешено и всячески старались вернуть себе его внимание и расположение, постоянно таскаясь хвостиками за царем.

Пока стояла золотая осень, затянувшаяся в этом году, вся честная компания с интересом наблюдала, как дон Альба муштрует воинов, а потом отравлялась пострелять все с тем же доном Альбой. Испанец был не только отличным стрелком, но и прирожденным учителем, и царевич Иван под его руководством делал заметные успехи. Ну и про охоту не забывали. Тоже молодецкое занятие. Тем паче что Валентиновы подарки к этому располагали.

Но тут зарядили дожди, вскорости сменившиеся снегом, и о парадной забаве временно пришлось забыть, так же, впрочем, как и об охоте. Зато теперь настала очередь «воинских игрищ». Царевич и его ближайшее окружение до того самозабвенно рубились в «солдатики», позабыв обо всем, что Валентин уже проклинал тот день, когда ему в голову пришла идея сделать такой подарок. Самое противное для Валентина заключалось в том, что детская игра (поскольку к ней подключились люди с боевым опытом, в действительности водившие в бой войска и посылавшие людей на смерть) превратилась в самое настоящее командно-штабное учение. И эти учения с разными вводными продолжались день за днем уже вторую неделю.

Валентин вместе с князем Вяземским и младшим Басмановым сражался против царевича с доном Альбой, Федькой Романовым и еще одним Басмановым. Болельщиками, не скупившимися на советы обеим сторонам, были несколько бояр Плещеевых. А самый старший из них исполнял роль судьи.

Сражение продолжалось уже несколько часов, и левый фланг Валентинова войска (к его немалой радости) уже скукожился, изогнулся, и если бы не край игровой поляны, за которую он зацепился, войско царевича вышло бы ему в тыл. Но Афанасий Вяземский с младшим Басмановым отчаянно сопротивлялись, постоянно перебрасывая на левый фланг подкрепления с правого фланга и из центра. Игра затягивалась, хотя исход, кажется, был уже ясен всем. Валентину – так уж точно. Но тут за спиной у себя он услышал громкий голос:

– Дайте-ка посмотреть, что за забава тут у вас. Говорят, что вы за нею и об обеде забываете. – Валентин обернулся. Басманов-старший. Цепким взглядом окинул поле сражения. – Хм... Занятная вещь... Хм... Плохи твои дела, Михайла, – заявил он, уже обращаясь непосредственно к Валентину. – Где же твои пушки? Без пушек тебе их не удержать. – И он указал пальцем на левый фланг, дышавший на ладан.

Вместо Валентина Басманову ответил сын:

– Так они себе при разделе все полевые пушки забрали. А нам только осадные достались.

– Хм... Осадные, говоришь... А вот это что у вас? – Он ткнул пальцем в центр позиции.

– Холм, – ответил Валентин.

– Тащите на него свои осадные пушки, – посоветовал Басманов-старший.

Когда пушки были установлены на холме, Басманов объявил:

– Мы открываем огонь вот по этому и по этому мосту.

Когда разрушение мостов было засчитано судьей, Басманов перенес огонь на наступающего противника, «паля» через головы своих войск. Только теперь до противника дошло, какую опасность представляет для них вновь организованная батарея. Войско под огнем потихоньку тает, а подкрепление не пошлешь – мосты разрушены. Целым остался лишь один мост через реку, за которой противник держал свою ставку и резервы. Да и тот далеко – на противоположном фланге.

– Надо послать кавалерию, ваше величество, – посоветовал дон Альба Ивану, – и захватить вражеские пушки.

– Точно! – обрадовался царевич и приказал своим дружкам: – Федька, Петька, ведите конницу на тот берег! Захватите холм!

Пока Федор и Петр передвигали фигурки конников, Басманов-старший молчал, но, как только те выстроили их для решающей атаки у подножия холма, заявил:

– Не пойдет так, твое величество. Как же это ты провел, интересно, латную конницу через болото?

– Какое еще болото? – возмутился Иван.

– Иона, это болото? – обратился Басманов к судье.

– Болото, – подтвердил Иона Плещеев.

– Да вот же оно, твое величество. – Басманов обвел указательным пальцем место, занятое на карте болотом. – Одной стороной оно к самой речке примыкает, а с другой у нас полк стрельцов да триста копейщиков за крепкими рогатками сидят. Туда вам соваться бесполезно, вот вы через болото и ломанулись. А в болоте тяжелой латной коннице конец пришел. Дай бог, двадцатая часть оттуда выберется.

Дон Альба уже осознал свою ошибку и принялся виниться:

– Это я виноват, ваше величество. Позабыл я про это болото.

Царевич Иван не успел еще ему ответить, как Афанасий Вяземский решил воспользоваться выгодным моментом.

– А мы башкир со своего правого края посылаем, мост захватить. Конницы у вас уже нету, а пехоте не успеть.

Вяземский с Басмановым-младшим принялись переставлять фигурки легких кавалеристов.

– Твое величество, – обратился Басманов-старший к царевичу, – разреши земскому послу игру покинуть. Вы уж без него додеретесь, а мы с ним пойдем отпразднуем нашу победу.

Царевич только рукой махнул, разрешая. Некогда было отвлекаться – враг начал просачиваться в тылы его войска.

«Каков, однако, старый вояка, – с восхищением думал Валентин о Басманове. – Ведь это он специально пришел со мной поговорить. Пришел, оценил ситуацию, понял, что ожидать моего поражения придется долго, поэтому предпринял меры, ведущие к скорой победе!» С Басмановым Алексеем, правой рукой Никиты Романовича, Валентину довелось пару-тройку раз переброситься несколькими репликами на нейтральные темы, но нормально поговорить не удавалось.

Расположились в басмановских покоях. Слуги подали вино и сладости.

– За вашу победу! – провозгласил Валентин, подняв кубок.

– Брось, Михайла, – урезонил его Басманов. – Давай-ка лучше за славу русского оружия! Мы, русские, всегда всех били и бить будем.

– Точно, – согласился Валентин и отхлебнул из своего кубка. – Только одно мне непонятно. Что же мы тогда войну эту распроклятую, Ливонскую, выиграть все никак не можем?

– Ясное дело, – недовольно буркнул Басманов. – Измена кругом. Вон Курбский...

Алексей Басманов, всюду появляющийся вместе с Никитой Романовичем и держащийся в его тени, не только его правая рука. Он еще глава целого клана Плещеевых, целиком перешедшего на сторону опричнины. И все члены этого рода – люди с немалым военным опытом. Все они в опричной дружине – командиры различного уровня. Фактически Басманов не просто командир опричного войска, он его неформальный лидер. И сместить его с этого поста без его личного соизволения не сможет ни Никита Романович, ни царевич Иван. Вот и получается, что главная опричная сила сосредоточена именно в его руках. Так, может, он и есть тот серый кардинал, от мнения и желаний которого полностью зависит полновластный, казалось бы, Никита

Романович Захарьин? Может быть, поэтому царский дядька так и не ответил на заманчивые предложения Валентина? Как бы то ни было, но Валентин, понимая, что такая возможность может ему представиться еще не скоро, вознамерился выяснить это прямо сейчас.

– Так Курбский уже четыре года как сбежал. Чего на него все валить... Настоящего воеводы в войске нет. Если бы нашелся настоящий воевода, так он бы не топтался до сих пор у германского порога, а уже в Англии был. Вот, к примеру, вы... Разве бы вы отказались главным воеводой стать? – забросил он первый крючок.

– Хм... – хмыкнул Басманов. – Кто же мне предложит? Мы опричные, а войну земщина ведет.

– Как? – воскликнул Валентин, сделав круглые глаза. – Разве боярин Юрьев-Захарьин не передавал вам наше предложение?

– Какое еще предложение? – всполошился Басманов. – Ничего не передавал. О чем это ты говоришь, Михайла?

– Есть люди в земщине, не только желающие объединения государства, но и готовые кое-что для этого предпринять. Я сообщил Никите Романовичу их предложения. И в том числе – назначить вас главным воеводой над всем русским войском. – Этот крючок был уже посolidнее, и Валентину страсть как хотелось поглядеть, заглутит ли его Басманов.

– Да ничего такого он мне не говорил! Это когда же у вас с ним такая беседа была? – захлопотал он. – И что?.. Что? Что он тебе ответил?

Валентин внимательно следил за собеседником. Или он великолепный актер, или никакой он не серый кардинал. Серые кардиналы так себя не ведут. Слишком прям и простодушен.

– Ничего не ответил. Сказал, что года три назад приезжать нужно мне было.

– Эк его... – с досадой крякнул Басманов, не сказав больше ни слова.

Ни один генерал не откажется от поста главнокомандующего. И Алексей Басманов не отказался бы, если бы такое предложение ему было сделано. К несчастью для него, это была всего лишь маленькая провокация Валентина, сделанная с целью выяснить – сообщал ли Никита Романович своей правой руке о беседе с Михайлой Митряевым. Получалось, что царский дядька не говорил ему не только о конкретных предложениях, но и о самом факте состоявшейся беседы. Почему же? Ответ был заключен в реакции Басманова. Валентин был уверен, что, предложи он ему в действительности пост главнокомандующего, тот согласился бы без раздумий. И на сотрудничество с земщиной пошел бы, и Никиту Романовича бросил бы в одиночестве.

– Хм... Странно, – хмыкнул Валентин, постаравшись соорудить как можно более простодушную гримасу на своей физиономии. – Я-то думал, что у вас все открыто, без секретов... Думал, Никита Романович расскажет о моих предложениях на заседании опричной думы, и вы их там вместе подробно и досконально обсудите. – Делать подобное заявление, пожалуй, не надо было. Это уже походило на издевательство. Но Басманов-старший был так расстроен, что не обратил внимания на последнюю фразу Валентина.

– Надо было бы тебе, Михайла, сначала со мной потолковать, – с сожалением выдал он из себя. – Да... Со мной.

Валентин лишь развел руками – как получилось, так получилось. Нет, Алексей Басманов совершенно не подходит на роль серого кардинала. Не его опасается Никита Романович, когда речь заходит о переговорах с земщиной. Явно не его. Но кого же? Кто сейчас выполняет роль той самой пружины, толкающей вперед опричное движение? Или нет никакого серого кардинала и Валентин просто торопится? Может быть, боярин Захарьин просто взял паузу для того, чтобы еще и еще раз все тщательно взвесить?

Дальнейшая беседа с Басмановым не заладилась. Он был угрюм, задумчив и на все попытки Валентина расшевелить его и завязать разговор отвечал лишь короткими односложными репликами. Если из Басманова и можно было выудить еще какую-нибудь ценную инфор-

мацию, то явно не сегодня. Старый вояка, не пытаясь либо не умея скрывать своих эмоций, откровенно переживал «упущенную» возможность. Валентину оставалось лишь бросить свои попытки расшевелить хозяина и откланяться. «Да уж, – думал Валентин, вышагивая по дворцовым переходам, – актер он точно никакой. Все переживаемое им тут же проявляется на физиономии. С таким...» Он был так погружен в свои мысли о Басманове-старшем, что чуть было не воткнулся в опричника, стоящего у него на пути. Тот, отскочив в последний момент, рывкнул чуть ли не в ухо Валентину, прервав таким беспардонным образом его размышления:

– Господин!

Вздрогнув от неожиданности, Валентин остановился и повернулся на голос. Обычный рядовой опричник... Из тех, наверное, что несут сегодня караул во дворце.

– Чего тебе?

– Господин земской посол... – Воин, видимо, уже осознал свою промашку и снизил голос чуть ли не до шепота. – Тебя царица к себе просят.

– Царица? – переспросил Валентин, не сразу сообразив, о ком идет речь. – А-а... Что ж, пойдём.

Бывать на женской половине дворца, в так называемом тереме, ему еще не доводилось. Как сообщил ему Силка, передавая местные сплетни, кроме царицы Марии на женской половине обитала еще царицына охрана, состоящая из трех десятков баб-воительниц, называемых здесь амазонками, и Иванов гарем. Вернее, слова «гарем» никто здесь не употреблял. Это Валентин обозвал его гаремом. Так ему было привычнее. Здесь же и саму женскую половину дворца называли теремом, и наложниц царя именовали так же. То, что у русского царя, как у турецкого султана, обнаружились наложницы, нисколько не удивило Валентина. Будь он сам царем, тоже завел бы себе коллективчик дамочек эдак из тридцати. Но с Иваном все было несколько сложнее. Мальчишка все-таки. Да и царица Мария, говорят, была весьма крута нравом. Валентину раз довелось наблюдать, как она верхом в сопровождении эскорта своих охранниц вихрем вылетела из дворца и, пронесаясь по площади, выпорхнула в открытые крепостные ворота. Он тогда еще подумал: «Как ведьмы на метлах...» Так что никаких наложниц она Ивану не позволяла. В смысле наложницы-то имелись, но исполняли они исключительно обязанности женской прислуги. И никакого секса. Конечно, когда Иван войдет в возраст, женушку он, наверное, на место поставит и со своими наложницами не преминет установить более тесное знакомство. А сейчас он предпочитает иметь дело с девицами-танцоршами, которых Валентин видел на царских пирах. Те жили не во дворце, а на территории слободы.

Опричник вел Валентина по коридорам и переходам, пока не остановился перед закрытыми дверьми. У дверей стояли две женщины с бердышами, одетые, как и все царские воины, во все черное. Одежда на них была мужская, но скрыть, что это были женщины, она не могла.

– К царице привел вот... – буркнул им опричник.

Одна из них кивнула и, не оборачиваясь, стукнула кулаком в дверь три раза. Одна створка двери приоткрылась, и девица караульная промолвила:

– Проходите, сударь, царица ждет вас.

Валентин прошел внутрь, и дверь за ним со стуком закрылась. Помещение, в котором он оказался, скорее походило на большой тамбур с несколькими дверьми, чем на жилую комнату. И точно. Никакой царицы там не оказалось. Лишь две юные девы, встретившие Валентина. «Это те самые Ивановы наложницы, наверное, и есть, – подумалось ему. Девы были юны, свежи и внешне явно выигрывали по сравнению с потасканными опричными подружками-«танцоршами». – Вот тебе и абсолютная власть... – немножко пожалел Ивана Валентин. – И далеко не всегда удастся этой властью воспользоваться. Хочешь не хочешь, а приходится все же учитывать и интересы окружающих. Странно все-таки жизнь человеческая устроена».

Пока Валентин размышлял, о природе власти и превратностях человеческой судьбы, девы провели его коротким коридором и оставили в небольшой комнате, так плотно заве-

шанной коврами, что у Валентина в мозгу невольно возникла аналогия с футляром-шкатулкой. «Комната для переговоров, – сообразил он. – Вся обита мягким, звукоизолирующим материалом, чтобы ни один шорох не просочился за ее пределы».

Пока Валентин осматривался, откуда-то сбоку, из-за ширмы в комнату вошла женщина. Вернее, девушка, если мыслить в категориях двадцать первого века, а не шестнадцатого. Девятнадцать лет, высокая, стройная, с чрезвычайно тонкой талией. Основное определение, возникшее в уме у Валентина при виде нее, – спортивная. А какой ей еще быть, если, как говорят, любимейшими занятиями ее с самого детства были скачки, охота, стрельба из лука и пальба из ружья? Поговаривали также, что в этих занятиях она всегда брала верх над братом своим старшим, нынешним главой опричной думы.

Валентин склонился перед вдовствующей царицей в почтительном поклоне.

– Михайла Митряев... – произнесла она, усаживаясь в одно из кресел. – Садись, – указала Валентину на кресло напротив. – Михайла Митряев, ярославский купец. Стал главой торгового дома Митряевых после внезапного падения своего отчима Мудра Митряева. Если бы не этот счастливый случай, не быть бы никогда Михайле главой торгового дома. В Ярославле, правда, болтают, что не без помощи пасынка рухнул Мудр. Сопровождают же Михайлу Митряева Сила Храбров, Ерофей Беспалый и испанский дворянин Иван Альба. Первые двое ничего собой не представляют и славны лишь тем, что один – сын городского стражника, а второй – сын подьячего. Испанец же Альба из рода хоть и древнего, но из младшей ветви его, давно оскудевшей и захиревшей. Славен тем, что болтается по всему миру, как перекасти-поле, и продает каждому желающему свой меч. А еще с Михайлой прибыли две срамные девки: Иулиания и Василиса. И про них я тебе сразу говорю, Михайла. Обнаружишь их однажды зарезанными либо отравленными – не удивляйся. Народ в слободе живет отчаянный. Мужчины в основном. Женщин мало. В этих условиях срамные девки – всем докука. Ссоры из-за них могут возникать. А где ссоры, там и кровь.

«Ого! – мысленно воскликнул Валентин. – Так меня здесь еще никто не встречал. – Девочка, похоже, пытается с первых минут если и не запугать, то поставить меня, что называется, на место. Тем интереснее разговор получится».

– Здравствуйте, ваше величество. – Валентину наконец-таки удалось хоть что-то сказать. – Великий грек Аристотель, уча нас логике, призывает избегать софизмов. Ибо софизмы, затуманивая суть дела, уводят нас в сторону, подменяя причину следствием.

– Не умничай, купец! – не сдержалась царица Мария.

– Как вам будет угодно, ваше величество. – Валентин в притворной почтительности склонил голову. – Но мне все-таки непонятно, ваше величество, почему в ссоре между мужчинами из-за женщины должна пострадать женщина. К тому же, позвольте заметить, Василиса и Иулиания – не срамные девки. Василиса – портниха и сказочница великая, а Иулиания – танцовка непревзойденная. И их мастерство оценил самолично наш великий государь. Оценил и приблизил к себе. Разве стал бы он приближать к себе срамных девок? Да я, ваше величество, если хотите знать, сам их зарежу и отравлю, если кто застанет их торгующими своей плотью и укажет мне на это.

– Я сказала, не умничай! – На этот раз она уже кричала почти в голос. – Это вы в Ярославле тонко просчитали! Сделать земским послом купца... Старый дурак Юрьев-Захарьин к купцам слабость имеет. О том все знают. Вон Строгановым весь Уральский Камень отвалил. Вот вы и вьетесь... Воронье... Он думает, что вы не предадите. Что, мол, бояре лишь предатели. А вы все... Все предатели!

– Все русские люди предатели? – нарочито спокойно осведомился Валентин.

– Опять умничаешь, купец! Знаю я все ваши планы! Соблазнить Ивана и дядюшку его, дурачка, и уничтожить!.. Уничтожить опричнину! Но не позволю! Так и знай! Не позволю! Берегись, купец!

«Получается, что самого ярого защитника существующего положения вещей я нашел там, где и не ожидал. Неужели это она крутит-вертит здесь всеми, создавая то, что называется политикой? Но какой в том ее личный интерес? В случае с дядюшкой Никитой Романовичем, например, понятны его побудительные мотивы. Опричнина ему нужна для того, чтобы до коронации изолировать Ивана от какого-либо боярского влияния. А царица Мария? Чего она добивается? Может, боится, что боярство воспротивится женитьбе молодого царя на вдове своего покойного брата? Точно. Это мотив. Ведь быть вдовствующей царицей и царицей, так сказать, действующей – это, как говорят в Одессе, две большие разницы».

– Ваше величество, – вкрадчиво начал Валентин, постаравшись подпустить в свой голос как можно больше сладости, – ведь царь Иван – самодержец, ни от кого не зависящий и никем и ничем не ограниченный. А вы – супруга его. Почти... Ждать чуть больше года осталось. Это миг... Не успеешь оглянуться – и пролетит он. Пока переговоры начнем, пока стороны выборных назначат, пока повестку согласуем... За этими занятиями и пролетит этот год. Зато державу в целостности и сохранности оставим. Ведь это же ваша держава, ваше достояние. Целиком. Зачем подвергать ее немыслимым опасностям и бедствиям, кои могут воспоследовать от разделения? А не нравятся вам бояре?.. Так чего проще! Как станете царицей, все в ваших руках и воле будет! Не нравятся Шуйские или Воронцовы? Да разошлите их всех по вотчинам. Пусть сидят там да репу с рожью выращивают. А вместо них для повседневной службы призовите других, кто вам по душе. Хоть бы и совсем безродных. И кто вам что скажет? Ваше дело царское – кого желаете, того и на должности ставите. И главное – все тихо и мирно, без крови и смуты.

Мария, только что бурлившая агрессией, как кипящий чайник, после этих слов собеседника примолкла и задумалась. Приведенные Валентином доводы были довольно банальны, и он сам не ожидал, что они ее повергнут в такое раздумье. Валентин ждал реакции на свои слова, а реакции все не было. Мария задумалась и, казалось, позабыла о присутствии рядом с собой земского посла. «Не очень-то она и умна, – решил Валентин, внимательно наблюдая за царицей, – если уж до столь очевидных вещей сама не смогла допетрить. Да что там говорить – дурища круглая. Агрессивная, энергичная, активная, но полная дура. Неужели это она управляет хитроном Никитой Романовичем? Невероятно...»

Не успел Валентин достроить эту логическую цепочку, как Мария наконец-то очнулась от своих тягостных раздумий.

– Хитер ты, купец, – прошипела она. – Хитер и сладкоречив, аки змий-искуситель. Но слава Создателю! – Она быстро перекрестилась. – Вразумил меня. Не удастся тебе меня обмануть! Ведь кроме бояр есть еще и попы. Есть епископы и митрополиты. Есть патриарх. А они истинные враги просвещения и веры подлинной, основанной на знании и науках. Попы не бояре, с ними посложней будет. Их по вотчинам не разошлешь. Соберут Собор и объявят анафему хоть царю, хоть царице. Что, не было такого, скажешь? – Валентин лишь всплеснул руками и одновременно скривил губы, словно пытаясь таким образом выразить протест против сказанного. – Ты прав, купец. До анафемы царствующим особам, слава богу, дело не доходило. Но ведь был же Собор, осудивший ересь жидовствующих! – вскричала она. Тут она длинно матерно выругалась. Валентин поморщился. Он, понятно, не институтка, но сквернословящие женщины его не вдохновляли ни в двадцать первом веке, ни тем более в шестнадцатом. – И слова-то какие подобрали... Ересь жидовствующих! Мерзкие лицемеры! Но не остановить им тягу человека к просвещению! К знаниям об истинном боге! Это великое учение каббалу они назвали ересью жидовствующих! Ничтожества, прокисающие в своих церквах и возносящие молитвы в пустоту! Что они могут противопоставить науке? Математике? Ангелологии? Алхимии? Магии? Что они могут противопоставить заповедям и фундаментальным трудам Гермеса Трисмегиста?! Свое жалкое Писание?! Воспоминания безграмотных бродяжек о таком же, как они, бродяжке Иусе, которого они провозгласили божьим сыном?! Бред!

В глазах ее заплясали искорки фанатизма, а лицо буквально озарилось огнем вдохновения. «Чокнутая фанатичка, – констатировал Валентин. – И каков накал убежденности и веры! Вот, оказывается, где скрываются «чертовы еретики», которых поминал дон Альба».

– Простите, ваше величество, – негромким вежливым голосом прервал ее яростный спич Валентин. – Говоря о математике, вы имеете в виду в первую очередь нумерологию?

– Ну да...

Неожиданное уточнение несколько сбило ее, и она, утерев логическую нить своей эмоциональной речи, теперь сидела молча, хмурила свои соболиные брови и яростно сверлила глазами-буравчиками собеседника. «Чертова ведьма! – Если бы Валентин, когда ему в свое время довелось прослушать курс истории тайных обществ, знал, что ему придется столкнуться с чем-то подобным, он бы выучил наизусть каждую букву в этом проклятом учебнике. Но и сохранившихся в памяти обрывков информации хватило, чтобы понять, с чем он сейчас столкнулся. Гермес Трисмегист, то есть Трижды Величайший, был египетским жрецом, магом и колдуном. И все тайные общества, возникавшие в Европе, от тамплиеров до розенкрейцеров и масонов, считали его своим духовным отцом. Но хороша, слов нет. Теперь понятно, почему имперские войска топчутся на месте, вместо того чтобы выжечь каленым железом протестантскую ересь в Европе. Если с русскими воеводами работают такие страстные агитаторши, как царица Мария, то они все там уже тайные еретики. Проясняется и то, почему на Руси называли протестантство ересью жидовствующих. Это в более поздние века оно, похоже, приняло благообразный вид, а вначале под словом «протестантизм» скрывалась дьявольская смесь каббалы, колдовства и нумерологии. Вот русские, и не только русские, попы и восстали против. Ясен пень! Я бы тоже восстал. И вообще... Прав дон Альба. На костер их всех надо было вовремя... Глядишь, и не пришлось бы нам с Лобовым теперь с рыбасоидами воевать. Но если она помянула Гермеса, значит... Значит, какое-то тайное общество уже существует. Какое же? Масоны возникли существенно позже, розенкрейцеры, кажется, в начале семнадцатого века... Значит, какое-то другое. Впрочем, какое это имеет значение, как именует себя банда мерзавцев, рвущихся к господству над человечеством? Ясное дело, что без Рыбаса здесь не обошлось. А какую сказку он подбросит этим дурачкам-людям и какой ярлык им приклеит – это несущественно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.